

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА БЛОКА

ПЕРЕПИСКА С А. А. И С. М. ГОРОДЕЦКИМИ

Вступительная статья и публикация В. П. Енишерлова
Комментарии В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика*

Среди не дошедших до нас писем Блока, безусловно, одними из наиболее интересных были многочисленные письма к С. М. Городецкому. Судя по ответным письмам Городецкого, Блок затрагивал в них важнейшие вопросы литературной и общественной жизни, делился с корреспондентом мыслями о назначении писателя, о судьбах русской интеллигенции, высказывал свои мнения об отдельных произведениях и т. д.

По материалам, сохранившимся в архиве С. М. Городецкого, можно установить, что у него находилось около 100 писем Блока. Уезжая в 1916 г. на Закавказский фронт, Городецкий оставил часть своего архива, в том числе письма Блока и Гумилева, письма к отцу (М. И. Городецкому, земскому деятелю, дружившему со многими литераторами — Н. Лесковым и Вл. Соловьевым) на одном из петроградских складов. Вернувшись в Петроград Городецкий уже после революции и не нашел ни склада, ни архива.

Особенно ощутима для истории литературы начала XX в. утрата писем Блока. Взаимоотношения Блока и Городецкого представляют существенную страницу литературной жизни России. Они познакомились в 1903 г. в аудитории Петербургского университета на лекциях по сербскому языку профессора П. А. Лаврова. После того как выяснилось, что оба пишут стихи, знакомство перешло в творческую дружбу. Блок и Городецкий бывали в университетском литературном кружке, который вел приват-доцент Б. В. Никольский. Здесь впервые услышал Городецкий чтение Блоком стихов и был окончательно покорен его поэзией. «В январе, в университете, в кружке Бориса Никольского (профессора и поэта), — писал Блок отцу 30 декабря 1903 г., — намерен реферат «против декадентства», рассчитанный, кажется, на меня и еще одного молодого «новопутейца» — Л. Д. Семенова. Предполагаю услышать там свое имя с самыми невежливыми эпитетами. Впрочем, какой-то молоденький «коллега» оказался моим поклонником и, кажется, собирается читать реферат другому профессору «о музыке в стихах Блока и Бальмонта!» Боюсь, что его провалят на экзамене»¹. Так впервые упоминает Блок о Городецком.

С 1904 г. Блок и Городецкий начинают часто встречаться — и в студенческих аудиториях, и дома на квартире у Блока в Гренадерских казармах. А. Белый вспоминал: «В то время я часто встречал у А. А. молодого студентика; он мне нравился; мы поспорили раз за столом о естественных принципах формы в эстетике; брат Л. Д., молодой Менделеев присутствовал, помню, при этом; к студенту, кажется, Блок относился с особой доверчивостью; и никто еще в мире не знал, что он пишет стихи; это был Городецкий; через несколько месяцев он прогремел; А. А. первый о нем написал, в нем отметил талант очень крупный»². Впервые Блок сказал о Городецком в статье «Краски и слова».

В квартире Блока Городецкий, хороший художник (его заметил сам Репин), выставлял рисунки и читал стихи, некоторые из которых вошли затем в его первую книгу «Ярь». Блок был единственным человеком, кому показал Городецкий свои ранние стихи. «И такого прямого и нежного толчка к развитию и творчеству, — вспоминал Городецкий, — как от косноязычных реплик Блока, я никогда и позднее не имел, даже от самых признанных критиков — от них всего менее. И чрезвычайно тонко вселил он в меня благотворный скепсис к редакциям и уверенность в важности своего личного пути для каждого, когда я стал посылать стихи в редакции и их нигде решительно не брали в печать»³.

* Р. Д. Тименчик подготовил также тексты писем № 19, 23, 24, 36, 44, 46, 58.

Дружеские отношения поэтов в 1904—1906 годах укрепились. Блок часто бывает Городецкого в пригороде Петербурга — Лесном. Они совершают долгие пешие прогулки через Удельный парк, к Озеркам.

Лето 1906 г. Городецкий проводит в псковской деревне, где пишет многие стихи, вошедшие впоследствии в сборник «Ярь». Он посылает эти стихи Блоку, который «один из первых и мудрее многих сказал о них то, о чём через год все кричали»⁴.

Революция 1905 года пробудила в Блоке общественные настроения. В его творчестве послереволюционного периода прослеживаются гражданские тенденции, стремление к простоте, правде, народной жизни. В пьесе «Балагачик» (напечатана в первом альманахе «Факелы» в апреле 1906 г.) Блок рассчитался со своим мистическим прошлым, оказавшимся дорогой «в никуда». Направление его творческой эволюции точно сформулировал Брюсов, как «обращение к темам более узким, но более конкретным, к заботам, радостям и печалям родной «горестной земли»⁵.

В годы после первой русской революции стала значительно более интенсивной деятельность Блока — критика и публициста. Обострилось его внимание к реалистической литературе, писателям-реалистам. Временный спад общественного движения не заглушил в Блоке чувства высокой гражданской ответственности, сформировавшегося во время революции. Неудовлетворенный символистской литературой, Блок-критик обращается к творчеству писателей, группировавшихся вокруг издательства «Знание». Городецкий вспоминал: «Не об эстетике хотел он говорить. Он обложился зелеными книжками «Знания», презираемого у эстетов, внимательно перечел всю беллетристику реалистов и дал ряд очерков о Горьком и других»⁶. Статьи Блока «О реалистах», «О драме», «О лирике», «Литературные итоги 1907 года», «Три вопроса», «О театре», «Письма о поэзии» и ряд других наиболее полно выразили общественные настроения Блока.

Тем более огорчительна утрата писем Блока к Городецкому, что, судя по ответам последнего, именно в них формулировал Блок наиболее важные для него философские и эстетические проблемы. «Ваше письмо — самое важное, что совершилось за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы», — писал Городецкий Блоку 28 апреля 1906 г. В этом примечательном письме, соглашаясь с Блоком, что наступает новое время, которое ждет нового искусства, Городецкий просит у Блока «более подробного выяснения «секрета» Горького» и раскрытия тезиса, что «искусство должно изображать жизнь». И хотя не сохранилось ответного письма Блока, мы можем в общих чертах представить, что писал своему молодому другу Блок. Ведь именно выяснению «секрета Горького» посвящена центральная часть замечательной статьи Блока «О реалистах». В ней сказал Блок о подлинном значении Горького, как великого национального и народного писателя. В то время как Философов и Мережковский возводили хулу на Горького, Блок прозрел присущую Горькому огромную нравственную силу и сказал о нем многозначимые слова: «Если и есть реальное понятие — «Россия», или лучше — Русь, — помимо территории, государственной церкви, сословий и пр., то есть, если есть это великое, необозримое, пространное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем Руси, — то выразителем его приходится считать в громадной степени Горького» (V, 102—103). В творчестве Горького выделял Блок повесть «Трое», «Детство», «Фома Гордеев», «На дне». Блок отмечал в Горьком предельную искренность, стихийность таланта, благородство стремлений.

Блок не случайно обращал в это время особое внимание на развитие реалистического искусства. Говоря в письме к Городецкому о том, что «искусство должно изображать жизнь», он четко выразил свое стремление к реализму. На этом пути развивался интерес Блока к писателям-реалистам, последователям Горького. Доброжелательная, корректная оценка их произведений были для Блока внутренне обусловлены. И то, что в годы реакции в не всегда цельных и художественно значимых произведениях писателей-реалистов увидел он литературу, нужную массам, говорит о проницательности Блока. Для нас существенно, что именно в письме Городецкому впервые отмечен путь Блока к реализму, его интерес к реалистической литературе. «Вчера Иванов сказал мне, — пишет Городецкий. — Смотрите, как Блок идет к реализму». Сегодня Вы пишете: «искусство должно изображать жизнь», «Фома» — последнее нужное произведение <...> Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через реализм».

Считая Горького подлинным выразителем России, Блок утверждал тем самым великое значение реалистической литературы. Он, посвятивший «теме о России» (VIII, 265) все свое творчество, в письме к Городецкому от 3 августа 1906 г. сформулировал мысль, еще более углубляющую проблему «Блок и Россия». Городецкий в своем ответном письме цитирует формулу Блока: «чтоб 1) Россия 2) услышала 3) меня». Именно в этих словах решение загадки пути Блока от начала и до конца. Блок стремился не только выразить «тему о России», но и повлиять на судьбу России своим творчеством. Именно в этом проявилось сознание Блоком высокой ответственности художника, общественной значимости искусства. В его эстетической программе все большее значение приобретает тезис о «пользе», «действенности» искусства. «Перед русским искусством, — писал Блок, — вновь стоит неотступно этот вопрос пользы. Поставлен он не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются художники всех лагерей. К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о долге, о должном и недолжном в искусстве» (V, 237).

Блок с большим вниманием следил за развитием поэзии Городецкого. Уже в 1905 г. в статье «Краски и слова» он приводит его стихотворение «Зной» как пример произведения, совершенного «по красочности и конкретности словаря» (V, 21). И когда в конце 1906 г. вышла в свет первая книга Городецкого «Ярь», которую автор прислал Блоку, тот определил ее в письме к матери, как, может быть, «величайшую из современных книг»⁷.

Эти слова не были случайными. Свообразные, уходящие корнями в русский фольклор, полные стихийной мощи и резких контрастов строки Городецкого покорили таких строгих и взыскательных ценителей поэзии, как В. Брюсов, Вяч. Иванов, М. Волошин. «Солидаризируясь с Брюсовым, который заявил, что «своей «Ярью» С. Городецкий дал нам большие обещания и приобрел опасное право — быть судимым в своей дальнейшей деятельности по законам для немногих»⁸, Блок в статье «О лирике» отнес Городецкого к поэтам первой величины, но прозорливо усмотрел и опасность, стоящую на пути молодого автора, «ненужный груз», который еще предстояло ему отбросить, чтобы «звезда-корабль» его поэзии прошла новый путь», «еще круче и еще чудеснее» (VIII, 145).

Влияние личности и поэзии Блока на Городецкого отмечали многие современники. Так М. Гофман писал: «Честь первого воспитания Городецкого принадлежит двум выдающимся по музыкальности и глубине поэтам — Вячеславу Иванову и Александру Блоку. Вяч. Иванову и А. Блоку удалось высечь из груди поэта огонь Прометея, живший в нем. Ясно чувствуется, что Городецкий выучился писать такой красочный, музыкальный и своеобразно-ритмический стих под влиянием Блока. Влияние оказалось так сильно, что Городецкий написал цикл подражаний Блоку, названный им «Поэт» и посвященный учителю его стиха — А. Блоку»⁹.

«Ярь» была напечатана под маркой университетского «Кружка молодых», который своим существованием обязан общественному темпераменту Городецкого. В. Пяст вспоминал: «Весь тогдашний Петербург более или менее знал о нашем «кружке», — большинство перебывало на его собраниях хоть по разу. Мыслью Городецкого было вынести келейные собрания нашего предварительного кружка — в широкую публику, на площадь, — демократизовать его. В этом он вполне и успел»¹⁰. В «Кружке молодых» выступали и символисты, и демократически настроенные студенты, здесь можно было услышать и речи Луначарского, и стихи Блока, Кузмина, Городецкого и других поэтов. Блок с симпатией относился к «Кружку молодых». «Мама, приходи, пожалуйста, завтра (1 февр.) в 8 час. вечера в Университет (в старо-физич. здание во дворе), — писал он матери. — Я буду читать «Незнакомку» и стихи, Кузмин петь (долго), и многие другие будут читать стихи. Будет пестро и много народу и весело. . . Называется «Вечер искусства при «Кружке молодых»»¹¹.

Именно в «Кружке молодых» определилось расхождение Городецкого со «средами» Вячеслава Иванова, «где появились отчетливые мистические тенденции»¹². В это время Городецкий выпускает один за другим сборники стихов. Блок, внимательно следивший за его творчеством, тревожно записывает: «Городецкий совсем не установился, и Бутаяев (А. Белый) глубоко прав, указывая на его опасность — погибнуть от легкомыслия и беспочвенности» (ЗК, 97). Эта поспешность и излишняя легкость сказались в стихах Городецкого, составивших сборник «Русь» (1909). Блок откликнулся на этот сборник небольшой рецензией, в которой, назвав некоторые удачные стихотворения и отдельные

строки, отметил, что исполнение этой книги не соответствует замыслу и возможностям автора. Реакция Городецкого на рецензию Блока была резкой. По сохранившимся письмам к Блоку жены Городецкого Анны Алексеевны и ответу ей Блока можно проследить, как развивался этот инцидент, ставший первым в ряду разногласий между Блоком и Городецким, вызванных различиями в понимании писателями природы искусства, путей развития символизма, отношения интеллигенции и народа.

Со временем обострились теоретические, «общественные» разногласия между Городецким и Блоком. Лично поэты продолжали дружить, часто встречались, но в письмах Городецкого мы видим следы острой полемики, особенно по такому коренному для Блока вопросу, как «интеллигенция и народ». Городецкий не принимал тезиса Блока о «недоступной черте», существующей между интеллигенцией и народом, утверждал, что в конечном счете для Блока не органична тема России («я родился с ней, а ты к ней пришел» — письмо от 9 декабря 1908 г.). О том, что Городецкий не принимал многое в творчестве Блока и не понимал логики его пути, видно из статьи Городецкого «Идолотворчество», в третьем разделе которой автор писал о Блоке: «Блок отвращается от реализма. Постепенно затемняется мистический его облик, светивший со страниц «Стихов о Прекрасной Даме». Женственная природа этой книги обаятельна надолго. . . Подвиг ознаменования начал свершаться в символе Прекрасной дамы. История литературы установит происхождение этого символа и его развитие в поэзии Блока. . . Для нас же сейчас важна излишняя определенность его, подозрительная быстрота нахождения формы ознаменования и односторонность этой формы. Как-то слишком просто обогатился поэт с порученными ему тайнами. Слишком скоро поэтому он должен будет назвать их «глухими», а явление ему сущего в облике Вечной Женственности низвести к простому обладанию сердцем какой-то женщины. . . И таким образом поэтическое развитие Блока пойдет дорогой «отвращения» от реализма. . . Драматизм «Стихов о Прекрасной Даме» и динамика их заключается именно в борьбе реализма с идеализмом. . . Но процесс отвращения идет настолько быстро, что скоро появляется необходимость в новой форме. Так является роковой «Балаганчик». Это произведение понятно только с нашей точки зрения. Лирика его — скорбь души, отвратившейся от реализма. Драматизм его — последняя борьба угасающего реализма с победительным идеализмом. Образы его — искаленные символы, с цинизмом и бахвальством неопита взятые из мира видимостей. Вот где объяснение «клюквенных соков» и «картонных невест», так смутивших публику и критику. . .

После первого ужасного падения наступает эпоха сравнительного равновесия. Характерным для нее являются такие стихи, как «Незнакомка».

Самое заглавие второго сборника «Нечаянная радость» указывает на некоторое возвращение к реализму. . .

Второе горшее падение связано с циклом «Снежная маска». Здесь явное идолотворчество. Здесь прямо говорится об огнях и мгле «моего снежного города». На несчастье поэта вызванная им стихия снегов и метелей вырывается из его неопытных рук, овладевает им и уносит куда-то. . . Зима. Пускай. Так лучше. Мы верим в грядущую весну. . .»¹³. Даже редакция, опубликовавшая эту статью Городецкого, вынуждена была сопроводить ее своим примечанием: «Соглашаясь с оценкой отдельных периодов творчества А. Блока в сфере чисто эстетической, редакция расходится с автором статьи в общем прогнозе, высказываемом им относительно развития поэзии Блока»¹⁴.

Городецкому, написавшему о творчестве Блока около десяти критических статей, действительно более удавался конкретный анализ произведений поэта, чем проникновение в его глубинную идейную сущность. В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий точно определил поэтическое своеобразие Блока: «на втором месте за Бальмонтом стоит Блок. Если Бальмонт сумел сделать красотой то, что в учебниках и теперь приводится как образец недопустимого в стихах, то Блок еще дальше продолжил опыт канонизации поэтических вольностей».

Освобождение стиха строится у него на неточном употреблении избранного размера. Игра неточностями, возведенная в принцип, создает стих Блока и сообщает ему совершенно особенную, свою физиономию, отличную от других и уже вызывающую подражания. В первой его книге «Стихи о Прекрасной Даме» еще очень много перебоев, строчки часто кажутся взятыми из другого стихотворения. Аритмия властвует там без-

наказанно. Но уже третья книжка «Снежная Маска» пленяет красотой неточностей. Как ямщик лихих коней, то пускает Блок свои строки, то вдруг задерживает их, останавливает, заставляет замирать. Опять какие-то внутренние, еще неуловимые законы связывают разные строчки в одно целое. . .»¹⁵

1910 год принято считать годом кризиса символизма. В разгоревшейся полемике вокруг выступлений Вяч. Иванова «Заветы символизма» и Блока «О современном состоянии русского символизма», наряду с Брюсовым и Мережковским, принял участие и Городецкий, опубликовавший статью «Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер». Направленная, в основном, против Блока статья эта отличается рядом откровенно полемических выпадов.

Городецкий укоряет Блока в теоретическом сумбуре: «Собственно говоря, — пишет критик, — он ничего иного не делает, как пересказывает свои стихи. Занятие заведомо обреченное на неудачу, но все-таки успевает при этом отречься от своего, так хорошо носимого им до сих пор звания живого поэта, и, убежав за кулисы, переодеться в бутафорский костюм теурга, высочить с обалделым лицом и наброситься «на почтенную критику и публику» с просьбой не тратить времени «на непонимание моих стихов».

Как нехороши все эти жесты! Блок похож на поэта-автора в «Балаганчике», и хотелось бы нам в данный момент быть рукой, утягивающей его за фалды за кулисы».

Содержится в статье Городецкого и теоретическое утверждение о тождестве искусства и жизни. «Одно еще необходимо сказать, — продолжает Городецкий. — Это о фразе Блока: «Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная чего стоит смешение искусства с жизнью и оставаясь в жизни простым человеком». С этим необходимо спорить. В основе этой фразы лежит утверждение, что жизнь и искусство. . . отдельные друг от друга вещи, что поэт с десяти до двенадцати слагает стихи, а с двенадцати до десяти остается простым человеком. Это сильная, вредная неправда. Жизнь и искусство одно. . . Поэт всегда поэт, и когда поет стихи, и когда ест кашу. . .»¹⁶

Для Блока такое упрощенно-прямолинейное толкование было непримлемо. В то же время это утверждение Городецкого конкретно выражало свойственное ему стремление сблизить поэзию с жизнью. В символизме ему чужд был иррационализм, уход в мистику. Городецкий не увидел у символистов того острого ощущения неблагополучия, неустроенности мира, которое было свойственно многим представителям этого течения, и, в особенности, Блоку.

Наметившиеся идейные расхождения не мешали дружеским отношениям поэтов. Они часто встречались. Городецкий писал в воспоминаниях: «Я помню его в разных позах и жестах, но, кажется, что это прошел год, а не восемь. Мы оба стали уже литераторами, и беседы у нас были литературными, на текущие темы, причем каждой текущей теме Блок давал отпор. Он ненавидел всякие литературные комбинации, кружки, течения, моды и от всего этого иронически отделялся уничтожающими фразами. . . Хорошие, живые минуты бывали дома, у него, вдвоем, когда он читал новые стихи с четвертушек, резко написанных, с нажимом, показывал корректуры, свои и чужие новые книги. . . Еще хороши бывали случайные встречи — над Невой или в книжной лавке Митюрникова. Иногда опять мы долго шли вместе, в беседе, и каменная маска с него спадала»¹⁷.

Блок неоднократно приезжает к Городецкому в Лесное, катается с ним на лыжах. Городецкий иногда рисует Блока. Поэты бываю на различных литературных вечерах, постоянно переписываются. В дневниках Блока можно найти требовательные оценки стихов Городецкого, за чьим творчеством он продолжал следить с пристальным вниманием.

Отрицание Городецким теории и практики символизма привело его к новому литературному течению — «акмеизму». Предтечей акмеизма стало литературное объединение «Цех поэтов», организационное собрание которого состоялось на квартире Городецкого 20 октября 1911 г. В первый и последний раз присутствовал тогда на собрании Цеха и Блок, назвавший позже «Цех поэтов» «Гумилевско-Городецким обществом».

Блок скептически относился к акмеизму — «Футиристы в целом, вероятно, явление более крупное, чем акмеизм. Последние — хилы, Гумилева тяжелит «вкус», багаж у него тяжелый (от Шекспира до. . . Теофиля Готье), а Городецкого держат, как застрельщика с именем; думаю, что Гумилев конфузится и шокируется им нередко» (VII, 232).

Блок полемизировал с утверждением синдиков «Цеха поэтов» Городецкого и Гумилева, будто «новое течение» в русской поэзии коренным образом отличается от символизма. «Весь день просидел Городецкий, — записал Блок в дневнике 21 ноября 1912 г., — и слушал очень внимательно все, что я говорил ему о его стихах, о Гумилеве, о цехе, о тысяче мелочей. А я говорил откровенно, бранясь и не принимая всерьез то, что ему кажется серьезным и важным делом» (VII, 178). Блок с тревогой отмечал кризис в творчестве поэта. «Городецкий... все разучивается быть художником, ему все реже, увы, удастся закрепить образ, просто» (VII, 181), — отмечает Блок. Свое отношение к акмеизму он позже сформулировал в статье «Без божества, без вдохновенья», которую сам Городецкий назвал «убийственной»¹⁸.

В дневнике Блока можно встретить немало едких замечаний по поводу «нового течения». Отмечает Блок и конкретные расхождения с Городецким, чьим теоретическим построением он не придавал серьезного значения, однако его искренне огорчали поэтические неудачи поэта, в высокий талант которого он верил. Не случайно в 1915 г. именно к Городецкому направил Блок впервые появившегося в Петербурге С. Есенина. В этот период Городецкий сближается с крестьянскими поэтами Н. Клюевым, С. Клычковым, А. Ширяевцем.

В первую мировую войну Городецкий едет на Кавказский фронт в качестве корреспондента газеты «Русское слово». Февральская революция застала его в Персии, где он оказался с отступающими русскими войсками. В Закавказье Городецкий сближился с представителями армянской и грузинской интеллигенции, проводил огромную работу, спасая армянских детей.

После Октября 1917 г. Городецкий живет на Кавказе. Здесь он занимается литературной работой, редактирует различные журналы, выступает с лекциями и статьями о русской поэзии, в том числе о «Двенадцати» Блока.

В газете «Кавказское слово» Городецкий опубликовал статью о «Двенадцати». Эта статья примечательна пронизательным анализом поэмы Блока. Городецкий писал: «Нам доставлен корректурный оттиск новой книги Александра Блока «Двенадцать», в которую вошла эта новая поэма, или точнее, цикл стихотворений, и кроме того большое стихотворение «Скифы». . . Если бы даже эта поэма и не была посвящена изображению современной России, все равно она возбуждала бы большой интерес, как произведение одного из сильнейших наших лириков, долго притом молчавшего и давно уже ставшего любимцем читателей».

Но интерес удваивается оттого, что, по доходящим сюда сведениям, Александр Блок примкнул к большевикам, и, таким образом, в его поэме соединяется интуиция свободного поэта с пристрастием партийного человека.

Многим казалось странным, как мог романтик, певец Прекрасной Дамы, трубадур стать большевиком. Но при ближайшем рассмотрении дело становится совершенно ясным. С одной стороны, в большевизме очень много свободной романтики. С другой стороны, известно, что Блок во время первой революции ходил с красным флагом впереди демонстрантов, что им написаны стихи о рыцаре Зимнего дворца, о гусе меч; а те, кто ближе знаком с его лирикой, знают, что максимализм вообще в природе Блока. . . в Блоке всегда было любопытство к народной, в частности, фабричной, среде; в результате его близость к большевикам вполне объяснима именно из его коренных качеств и свойств»¹⁹.

Именно Городецкий в этой статье впервые сказал о формальной связи «Двенадцати» с давней пьесой Блока «Балаганчик». «Но, — пишет Городецкий, — по-видимому в привычную маску арлекинады не укладывается сложная картина современной России. И вот Блок переходит к другому сюжету, как фуги бегут картины снега, ветра, марша красноармейцев, и вдруг новый образ:

... Идут без имени святого.

Это — развитие прежнего образа: «свобода без креста»,

Вдаль идут державным шагом.

Кто еще там? Выходи!

Кто-то есть неведомый и невидимый.

Трах-тах-тах! — Стреляют двенадцать. —

И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Этим образом — Христа, идущего впереди красногвардейцев, поэма кончается. И ее конец — удачей всего в ней. Только тут голос поэта приобретает полноту и силу. Только тут найдена художественная мера между жизнью и поэзией, и только тут создана картина, убедительная и величаявая. . . Блок, идя в ногу со второй революцией, не изменил себе самому ни в чем. Это большая победа. И если он, все видевший и переживший, мог сказать, что Христос идет впереди «двенадцати», он исполнил свой долг поэта — и в самом страшном находит прекрасное.

И он исполнил свой долг гражданина — всем ослепшим от бед показать выход и дать исцеление. . . »²⁰

Работая в Закавказье, Городецкий издал в журналах и книгах ряд произведений Блока. В издательстве «Кавказский посредник» и журнале «Агс» он опубликовал «Двенадцать».

23 апреля 1920 г. в Баку вошла Красная Армия. Городецкий был назначен заведующим Художественным отделом Баккавроста, затем он возглавлял литчасть Политуправления Каспийского флота.

Летом 1920 г. поэт вернулся в Петроград. Здесь Городецкий несколько раз встречался с Блоком. Городецкий вспоминал: «Опять сидели за столом, как в юности, все, Любовь Дмитриевна и Александра Андреевна. Он больше требовал рассказов, особенно про деревню, откуда я приехал, чем сам рассказывал. . . Вспомнили все и всех. В нем была жадность понять, увидеть, осязать новое. Но когда я ему говорил о значении «Двенадцати», о том, что эта поэма принята была на Кавказе, мне почувствовалось, что он не все знает об этой вещи, синтезирующей всю его поэзию»²¹. Тогда же Блок подарил Городецкому свою поэму «Двенадцать» с надписью, в которой выразились чувства любви и дружбы, связывавшие на протяжении многих лет двух поэтов, несмотря на разногласия и недоразумения: «Милому Сергею Городецкому с нежным поцелуем. Ал. Блок 20 июля 1920 года»²².

Через несколько дней Блок в качестве председателя Петроградского Союза поэтов открыл вечер С. Городецкого и Л. Рейснер знаменательными словами: «Мы давно их не слышали и не знаем еще, какие они теперь, но хотим верить, что они не бьются беспомощно на поверхности жизни, где столько цестрого, bestолкового и темного, а что они прислушиваются к самому сердцу жизни, где бьется — пусть трудное, но стихийное, великое и живое, то есть что они связаны с жизнью; а современная русская жизнь есть революционная стихия» (VI, 437).

Городецкий активно вошел в литературную жизнь Петрограда. Он создает стихи, выступает со статьями и рецензиями. В статье «Литература и революция», опубликованной в «Известиях Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» Городецкий писал о Блоке: «Радостно видеть, что поэты, честные и простые, опять видятся в литературе и на работе. . . В общем поэзия постояла за себя. И как венец ее, как первый поэт наших дней, медленно, но верно растет Блок. Его «Двенадцать», написанные в атмосфере саботажа, поистине подвиг»²³.

Вскоре С. Городецкий уехал из Петрограда. В Баку его застала весть о смерти Блока. Узнав о его кончине, Городецкий писал: «В Петербурге скончался лучший лирик наших дней, поэт двух революций, Александр Блок, поэзия которого останется живой на долгие времена. . . На грани двух миров стоит он, зоркий и печальный, проклиная прошлое и благословляя будущее»²⁴.

В 1921 г. в Баку, после смерти Блока, Городецкий написал стихотворение «Александру Блоку», в заключительной строфе которого слышится переключка со словами из воспоминаний Городецкого о Блоке: «Кто слышал Блока, тому нельзя слушать его стихи в другом чтении. Одна из самых больших мыслей при его смерти: «Как же голос неизъяснимый не услышим? Записан ли он фонографом».

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Увенчан терном горькой славы,
Властитель ритмов дней багряных,
Ушел в печали величавой
В недугах и кровавых ранах.

И пусто лесу у опушки,
И полю в цвете милом убыль.
Ушел туда, где светит Пушкин,
Ушел туда, где грезит Врубель.

И ранит небо грудь лебяжью,
Закатами кровавит дали.
Болотный попок в глубь овражью
Бежит, заплакан и печален.

Фабричных улиц перекрестки,
Ушедшим солнцем озаряясь,
Затешились слезою блестящей,
И чахлых веток никнет завязь.

А на мосту, вся в черном, черном,
Рыдает тихо Незнакомка
О сне, минувшем неповторно,
О счастье, молнийном и ломком.

Ушел любимый. Как же голос
Неизъяснимый не услышим,
Когда на сердце станет голо,
Когда захочется быть выше?

Городецкий долго и успешно работал в советской литературе. У него выходят сборники стихов, он создает оперные либретто, много переводит, пишет мемуары и очерки, среди которых особое место занимают «Воспоминания об Александре Блоке».

Обширная переписка Блока с Городецким сохранилась далеко не полностью. Как было указано выше, все письма Блока пропали. Письма же Городецкого были сохранены Блоком. В настоящее время в ЦГАЛИ находится 72 письма Городецкого (1904—1920) — ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224. Наиболее значительные из них относятся к периоду близкой дружбы поэтов (1904—1907) и содержат ценные сведения для освещения литературных и общественных взглядов Блока.

Ниже публикуется 52 письма Сергея Городецкого (и два — в примечаниях: апрель 1907 г., май-июнь 1911 г.). Опущены бытовые письма и деловые записки.

В настоящую публикацию также включены четыре письма Блока Анне Алексеевне Городецкой (частное собрание) и три письма А. А. Городецкой Блоку (ЦГАЛИ).

В процессе работы были использованы материалы, хранящиеся в личном архиве С. М. Городецкого. Авторы выражают искреннюю признательность дочери поэта Р. С. Городецкой, предоставившей для работы архив своего отца и всемерно помогавшей в подготовке этой публикации.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Письма к родным», I, с. 98.

² А. Белый. Воспоминания о Блоке. «Эпопея», кн. II. Москва—Берлин, 1922, с. 286.

³ С. Городецкий. Воспоминания о Блоке. — В кн.: С. Городецкий. Русские портреты. М., 1978, с. 9.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ В. Брюсов. Собр. соч. в 7 т., т. 6, М., 1975, с. 180—181.

⁶ С. Городецкий. Русские портреты, с. 16.

⁷ «Письма к родным», I, с. 161.

⁸ В. Брюсов. Далекие и близкие. М., 1912, с. 164.

⁹ М. Гофман. Сергей Городецкий. «Книга о русских поэтах последнего десятилетия». СПб.—М., 1909, с. 337—338.

¹⁰ В. Пяст. Встречи. М., «Федерация», 1929, с. 115.

¹¹ «Письма к родным», I, с. 166.

¹² С. Городецкий. Мой путь. — В кн.: «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. I. М., 1959, с. 325.

¹³ «Золотое руно», 1909, № 1, с. 99—101.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Золотое руно», 1909, № 4, с. 68.

¹⁶ «Против течения», 1910, № 1, 15 октября, с. 3.

¹⁷ С. Городецкий. Русские портреты, с. 15.

¹⁸ С. Городецкий. Мой путь. Указ. изд., с. 325.

¹⁹ «Кавказское слово», 1918, № 168.

²⁰ Там же.

²¹ С. Городецкий. Русские портреты, с. 19.

²² Частное собрание, Москва.

²³ «Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 1920, 17 августа.

²⁴ С. Городецкий. Александр Блок. 1880—1921. — «Искусство», Баку, 1921, № 2—3, с. 57—58.

Мне жаль, как упавшего в воду камня, этого вечера, который мог быть и не был. Не потому, что он не повторится, а потому, что сколько бы их ни повторялось, всегда будет одним меньше, чем могло быть. Накануне, завтра хорошо было бы говорить с вами, чтобы еще раз прочитать вашу книгу¹ в выражении лица, отдельных фразмах и проверить себя.

Вы, вероятно, уже получили тезисы². Пишу, чтобы исправить ошибку в них, которая искажает смысл. В повестках напечатано: *Внешняя форма* его (или образ): Прекрасная Дама и т. д. Должно быть: *Внешняя форма его* (размеры, рифмы, словарь). Стремление к свободе в ней. *Внутренняя форма* (или образ): Прекрасная Дама. Как видите, пропущен конец одной главы и начало другой. Эта ошибка лежит на совести секретаря, но другая, скорее, неточность, чем ошибка, на моей.

Это слово в конце: влияние. У меня несколько по-другому построен конец (я его переделал после того как послал тезисы), именно я отмечаю у вас стремление познать сверхчувственное, как черту, общую всем представителям того, что называют декадентством. Я прочитал на днях свой реферат в одном домашнем кружке с явно выраженным позитивным направлением. Меня упрекали в неопределенности таких терминов, как «сущность», «просветление», вас в индивидуализме (говорили, что «поэт должен жечь сердца людей», а не заниматься личными ощущениями), называли поэзию декадентов бегством от действительности. Я восстал, но различия во взглядах оказались принципиальными, поэтому каждый остался при своем. Надеюсь завтра встретить среду более восприимчивую. Впрочем, отдельные образы (напр.: гаснут ступени)³ действовали сильно. Аэростат⁴ тоже нравился. Вероятно, на этой неделе увидимся, тогда расскажу подробнее.

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

¹ Первый сборник стихов Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М., Изд-во «Гриф», 1905). Сборник вышел в конце 1904 г. В «Воспоминаниях о Блоке» Городецкий пишет: «Помню, как в университете Блок торжественно мне передал первую книжку с ласковой надписью — грифовское издание, с готическим рисунком на обложке, который я тут же опротестовал, как ложь и несоответствие. Для литературного университета книжка была праздником. Молодежь догадалась о ее значении раньше, чем критика. Я упорно многого не понимал и требовал объяснений непонятных мест, совсем как знаменитые критики того времени. Блок ничего объяснить не мог и только улыбался своей безмятежной улыбкой каменной статуи». (С. Г о р о д е ц к и й. Русские портреты. М., 1978, с. 9.)

² Городецкий выступил в Петербургском университете с рефератом о творчестве Блока.

³ Образ из стихотворения «Покраснели и гаснут ступени» («Стихи о Прекрасной Даме»).

⁴ Из стихотворения «Мой месяц в царственном зените» («Стихи о Прекрасной Даме»).

Очень жалел, что Вы меня не застали дома. Все эти дни собирался к Вам, но цеплялись разные обстоятельства. Хотел бы скорее Вас видеть, но на этой неделе у меня свободен только четверг. Если б Вы пришли ко мне, был бы светел и рад. Могу прийти сам, если Вам так удобнее¹.

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

¹ В студенческие годы Блок и Городецкий часто встречались. Городецкий вспоминал: «Он жил тогда в Гренадерских казармах на Невке, и весь второй цикл стихов о Прекрасной Даме, где дается антитеза первому облику Девы, тесно связан с этой фабричной окраиной. Огромная казарма на берегу реки со всех сторон окружена фабриками и жилищами рабочих. Деревянный мост — не тот ли самый, на котором стояла Незнакомка, — дает вид в одну сторону на блестящий город, в другую — на фабрики. По казенным

лестницам и коридорам я пробегал к высокой казенной двери, за которой открывалась квартира полковника Кублицкого-Пиоттух, мужа Александры Андреевны, матери Блока, и в этой квартире две незабвенных комнаты, где жил Блок.

Я их помню наизусть.

Первая — длинная, узкая, со старинным диваном, на котором отдыхал когда-то Достоевский, белая с высоким окном; аккуратный письменный стол, низкая полка с книгами, на ней всегда гиацинт. На стене большая голова Айседоры Дункан, «Монна Лиза» и «Мадонна» Нестерова. Ощущение чистоты и молитвенности, как в церкви. Так нигде, ни у кого не было, как в этой первой комнате Блока. Вторую я не любил — большая, с мягкой мебелью, обыкновенная.

Навстречу выходил Блок, в длинной рабочей куртке с большим белым воротником, совсем не студент, а флорентиец раннего Ренессанса, и его Прекрасная Дама, тоже как со старинной картины, в венецианских волосах. Потом переходили в гостиную и столовую. Приходили Андрей Белый и Евгений Иванов, Татьяна Гишпигус. За чаем начиналась беседа, читались стихи. О чем говорили? Некоторые темы помню: например, о синтезе искусства» (С. Г о р о д е ц к и й. Русские портреты, с. 8).

3

«18 марта 1905 г.»

«Милые мои. . . Поклонитесь Земле»¹.

Сейчас только дочитал «Возврат»² и хочу передать Вам, живым, свое состояние радости и счастья, которое всегда возбуждает идея вечности жизни, так ярко, одинаково понятно — на Земле и на Солнце — сказанная.

Я давно не волновался от книги так, как от «Возврата», не дрожал и не закрывал последнего листа, как дверь в церковь. И легко и весело и занимает дух и не боишься броситься с горы вниз, «смеясь над невозможным»³.

Когда придете?

Приехала моя сестра⁴, поэтому лучше, если Вы приедете.

Простите, что еще не отдаю книги.

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

Прочитайте эту записочку Люб(ови) Дм(итриевне) — С приветом ей.

¹ Этот фразой заканчивается III симфония А. Белого «Возврат».

² А. Б е л ы й. Возврат. III симфония. М., Изд-во «Гриф», 1905.

³ Слова, звучащие рефреном в 3-й части «Возврата».

⁴ Елена Митрофановна *Городецкая-Васильева* жила постоянно в Тифлисе.

4

27.IV—905

Вчера грозой провожал Вас, а сегодня из серого дня, города и комнаты пишу стихи Вам на весеннее приволье и новоселье.

Вчера же был на Лахте и смотрел в небо, перебивавшее тучи, а потом дробной рысцой заковылял на мелком чиновничке-локомотивчике, представляя себе, как степенно и важно везет вас действительный статский локомотив, вытирая красную шею: уф как тяжело, уф как тяжело. . .¹

Переписываю Вергеузе², которую забыл сказать и которую хочется, чтобы читали Вы и Александра Андреевна³ особенно, а потом то, что Вы хотели.

С. Г о р о д е ц к и й

Ты устала. Я ласкаю.
Воеет вьюга. Я с тобой.
Гаснут искры улетаю.
Блекнет пепел золотой.

Хочешь сказку? Жил на свете
Белый ангел. Где? Забыл.
— Помнят звезды, знают дети.—
Он всегда печален был.

Уж слезинка? Ну не надо.
Много сказок для тебя:
Вышла козочка из сада. . .
Что? Обидел? Я любя.

Воеет вьюга. Потемнело.
Лето, лето. . . Теплый юг. . .
Ходит дрема и несмело
Замыкает сонный круг.

1905
К. Буллаев ПЕТЕРБУРГ.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ
 Фотография, 1905 г.
 Частное собрание, Москва

¹ 27 апреля 1904 г. Любовь Дмитриевна и А. А. Блок приехали в Шахматово.

² Колыбельная (франц.). Впервые опубликована в кн. «Ия. Стихи для детей и рисунки. Сочинял и рисовал целых два года Сергей Городецкий» (М., 1908) под загл. «Зимняя колыбельная».

³ Александра Андреевна *Кублицкая-Пиоттух*, мать Блока, была в эти дни в Петербурге.

Так было хорошо увидеть знакомый почерк на толстом конверте, уйти в свою комнату с синими провинциальными обоями и красными старинными креслами и читать верящие слова.

Да, новое в воздухе, и какое столикое. Я не знаю важное, привезенное Вам ², но расскажу, что со мной.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Фотография, 1909 г.

С автографом: «В роли «Юного Поэта» в «Ночных плясках» Федора Сологуба Сергей Городецкии»
Литературный музей, Москва

Не делая дела, не читая, живу на горке и слушаю Пана. Хожу кругом, в деревни — смотрю в лица, в леса — слежу за белкой и кротом; мелькают бывания. И вдруг в яркой толпе детей на зеленом косогоре, в игре, увидишь что-то очень старое, а из толпы на смутный фон воспоминания выйдет мальчик в белом и тонким лицом и сине-синими глазами в черных кругах ресниц покажет наяву вечное. Или в лесу, на конце его, оглянешься на золотое молчание заката — уж совсем старое — а луч искривится, скомкает облако — и вот новое счастье. Или перламутровый селезень настигнет утку, вода расплеснется под ними, а Пан на берегу в кустах, чтоб кивнуть им, откинёт зеленые волосы, плеснет белой бородой по небу — увидишь самый глаз. Иногда — в сенях просторной избы станешь перед мелкорезным шкафом, полюбив его, а мужик скажет со странной улыбкой: «в старину окном было» — проедешь под излучиной реки мимо заколоченного строения, а возница кнутом покажет и скажет: «здесь мельника жгли». — Играешь с детьми, считают: чикирики, микирики, по госту, по мосту, жучка, хрюк — за гулянье стоит руб — и вдруг запоют:

Ах не скажу,
Кого люблю,
Не укажу

Которого.
В одной семье
Четыре брата,
А я люблю
Фартового.

—Мальчик с ушами преступника и лицом Христа-младенца повалит девочку подножкой, убежит в канаву, а там поцелует лягушку.

Так и сплетается.

Это бессвязно, почти заглавия, но все это встречи ³.

Спасибо за Ваши стихи. Как-то более других полюбились «В балаганчике»⁴. Оно много может давать: сейчас прочитал его и опять увидел другое: почему-то вспомнился Кант. Я не уяснил себе, но в нем есть какая-то гносеологическая безотрадность. Не того ли оно времени, когда «грозило закрыться — навсегда»? А ведь новое — дело, не пророчества — с гносеологии должно начаться. Я ничего не знаю, но какие-то провидения бывают. Неотвязно понятие знать — чувствовать. Даже в рецензии на брошюры Жаринцовой «Объяснение полового вопроса детям» и «Как все на свете рождается» (слеповаты), которую я все-таки снес Г. Чулкову⁵, пытался что-то сказать — так казалось важным. Возвращаюсь к стихам. Совсем другое читать и слушать. Некоторые места не узнаешь.

9—VII

«Будут весны в вечной смене
И падений гнет»⁶ — Вот и было.

«Нечаянная радость»⁷ — прожитое на дне, в темноте: «И мне ли?» Забылось: «В щите моем камень зеленый зажжен», «Тихо ведаю», «Тишиной провожаю мечту», «Молчу», «К высоте», «Глубины» — все это ютится в глуби, в последних строках, а сверху — «Никому, ничего не открыл», «Не мог ведь». «Нечаянная Радость — жить от «прекрасного прошлого» к настолько неясному еще впереди свету, что его только назвать можно: «Нечаянная Радость». «Тихое ведание» нежно и закутано, как больное любимое дитя, пока тянется нить болотом, водою. Ведь все эти стихи написаны до приезда московских гостей⁸. А теперь пишете: «открывается»...

«Будут весны в вечной смене
И падений гнет». Вот и стало.

Чтоб послать свои стихи Вам и Вашим, должен был стать нестрогим к себе: желание послать пересилило. Все — городское, только последнее *здесь*. Но оно часть будущего, мож~~ет~~ быть. Большие поклоны Вашим. Пишите о Бугаеве и Соловьеве. Люблю Вас.

С. Городецкий

К письму приложены стихотворения Городецкого: «Я далекий, я нездешний...», «Вся измучилась, устала...», «Наклонялись головы над страницами...», «Над стеною озаренной...», «Я под солнцем беспечальным...», «Зной».

¹ Имение в Псковской губернии, где С. М. Городецкий проводил летние каникулы, давая уроки.

² Между 10 и 20 июня 1905 г. в Шахматове гостили Андрей Белый и Сергей Соловьев. Встреча показала, что пути Блока и его мистически настроенных друзей расходятся. Блок писал 25 июня Е. П. Иванову: «На днях уехали — сначала Бугаев, потом Соловьев, прехавшие вместе, привезшие новизну и голос событий, совершающихся в самой главной области — «Несказанной». Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость. Это необходимо относительно *некоторых* дел и *некоторых* людей...» (VIII, 130)

Обостренно чувствовал Блок и близость социальных перемен. О его общественных настроениях этого периода свидетельствует письмо к Е. П. Иванову: «...хочу действительности, чувствую, что близится опять *огонь*, что жизнь не ждет... Старое рушится... Если бы

ты узнал лицо русской деревни — оно переворачивает; мне кто-то начинает дарить оружие. . . . Какое важное время! Великое время! Радостно!» (VIII, 131).

³ Многие из этих мотивов вошли в первый сборник С. Городецкого «Ярь». Городецкий писал: «Все свободное время я проводил в народе, на свадьбах и похоронах, в хороводах, в играх детей. Увлекаюсь фольклором еще в университете, я жадно впитывал язык, синтаксис и мелодии народных песен. Отсюда и родилась моя первая книга «Ярь» с ее реминисценциями язычества и безудержной радостью влюбленности в жизнь, в природу, в девушку» (С. Г о р о д е ц к и й. Мой путь. Советские писатели. Автобиографии в двух томах, т. 1. М., 1959, с. 322).

⁴ Стихотворение А. Блока «Балаганчик».

⁵ В журнале «Вопросы жизни», в котором Г. И. Чулков заведовал отделом критики, эта рецензия на книжки Н. Жаринцевой напечатаны не были. Два года спустя С. А. Ауслендер писал: «Помню, мне как-то попалась книжка Жаринцевой, кажется, «Объяснение полового вопроса детям». В невозможном пошлых и слащавых выражениях открывается тайна, быть может, самая страшная и прекрасная тайна плоти» («Золотое руно», 1907, № 7—9, с. 148).

⁶ Из стихотворения «Дали слезы, дни безгневны», которое заключает «Стихи о Прекрасной Даме».

⁷ «Нечаянная радость» второй сборник Блока, в который вошли стихотворения, написанные летом 1905 г. в Шахматове.

⁸ А. Белого и С. Соловьева (см. прим. 2).

1 октября 1905 г.

Дорогой Александр Александрович.

Не шел к Вам, занятый мыслями и делами. О них расскажу. Одна из мыслей — о Вас — все еще не до конца записана строчками (в слове «записана» мало сознания важности связи между стихом и мыслью, но оставляю его, так как не рискую быть непонятым).

Я знал и не знал, что это были Вы у нас. Вернувшись, написал то, что посылаю Вам. Хотел послать на другое утро или тогда же ночью, но без сомнения сказал: а, может быть, не он был.

Собирался быть у Вас вчера, но день утомил и подавил. Приду во вторник и Вас буду ждать к себе в среду или четверг, потому что, у Вас лучше читаются стихи, а у меня есть что показать: этюды и горшки¹.

Зачем спрашиваете о «Зное»?²

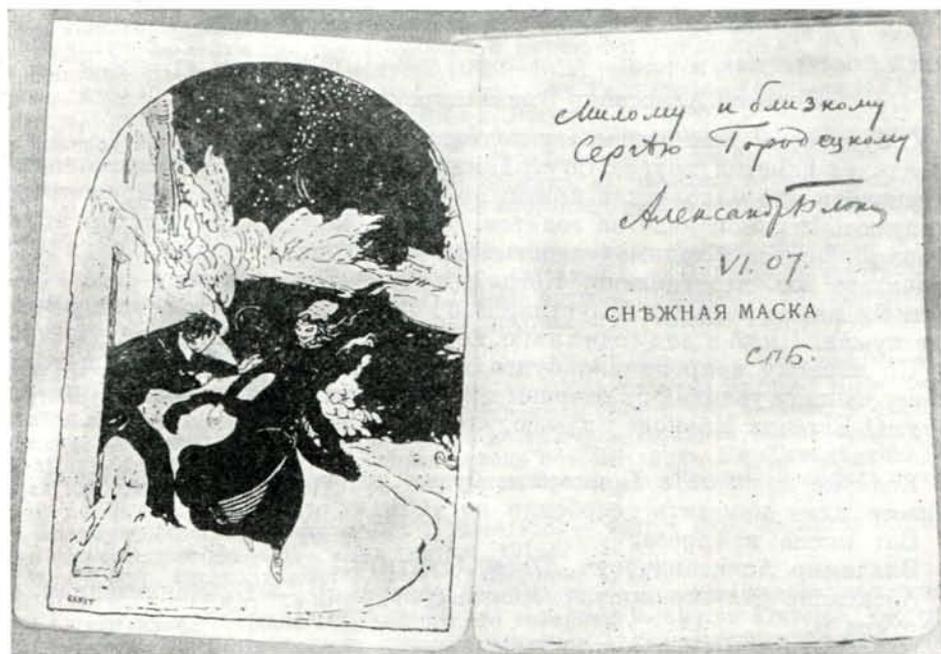
Ваш С. Г о р о д е ц к и й

Привет всем Вашим

Приходил в пуховой шляпе.
Сказали: барина нет дома.
Барин ушел к знакомым.
Ах как нежен
Голубой фонарь!
Высоко повешен,
Голубком утешен
Фонарей всех — царь.

«А вчера священник приходил.
Что ты? — Правда. Пиво пил.
Говорил, что может танцевать. . .

В глазах глубина
Провалы дна
Влажного, темно-зеленого
Откуда смотрит глаз
Неба удивленного
Каждый раз
Нового
То ало-удаленного
То близко-лилового.
Все та же и не та
Красота

БЛОК. «СНЕЖНАЯ МАСКА», СПБ., «ОРЫ», 1907

С дарственной надписью С. М. Городецкому
Частное собрание, Москва

Все те же и не те
Уста
Все так же отдана
Красоте
Нагота.

Темные рты переулков открыты
Звезды-цветы пеленою повиты
«Приходил знакомый»
Кто? — «В пуховой шляпе».
Сказала: «нет дома».

¹ Увлекающийся живописью и коллекционированием предметов народного творчества Городецкий периодически устраивал для друзей своеобразные «выставки» своих произведений и коллекций. Такие вернисажи проходили как дома у Городецкого, так и в квартире Блока. Сохранился один из этюдов Городецкого с надписью автора на обороте: «Показано в квартире Блока. Октябрь 1905 год» (частное собрание).

² Стихотворение Городецкого «Зной» Блок полностью привел в статье «Краски и слова» («Золотое руно», 1906, № 1) как пример совершенного «по красочности и конкретности словаря».

7

17—I—906

Спасибо. Приду непременно

Я теперь знаю, почему мне так сразу полюбились рисунки Т. Г.¹ — и почему они вообще сразу любятся: они воссоздают то, что не было создано, и что могло быть прекрасным — русскую мифологию. Но подробней потом.

Ваш С. Городецк и й

Открытое письмо. На л. 1 рисунок Городецкого — гора Пухтула в Терноках.

¹ Татьяна Николаевна Гинпиус (1877—1957) — художница. У нее был альбом «Kindisch» с рисунками фантастических чертенят, болотных попигов, смешных гномов и уродцев. Эти рисунки повлияли на стихи Блока, вошедшие в сб. «Нечаянная радость».

«6—7 февраля 1906 г.»
6—II—906

Дорогой Александр Александрович

С букварем ¹ дело понемногу подвигается. Написал: «Гроза», «Буква ж», «Воздух» и наметил другие. Со стихами хуже. Два стихотворения совершенно не признал мой малолетний критик, о котором я Вам говорил; поэтому они отпадают. В самом деле не годятся. Третье, кажется, лучше. Но это тоже «Гроза». Нам необходимо свидеться и поговорить специально об этом, прочесть все, что сделано. Когда? Кроме четверга, могу все эти дни. Если бы Ваша груда дел отпустила Вас ко мне. Еще один экземпляр букваря мне нужен. Имею в виду одно лицо, которое, может быть, сделает что-нибудь.

По первому вопросу как будто все. С Недоброво ² очень щекотливо. Я ему напишу условия включения в круг ³: активная причастность искусству. О Евгении Иванове ⁴ думаю, что он нужен и охотно даю свой второй голос за него.

Если не поспеете с Брюсовым, будем просто читать его. Может быть, успеете план наметить, особенно до «Urbi et orbi» ⁵.

Вот имена и адреса:

Владимир Александрович Юнгер (стихи) ⁶.

Александр Александрович Юнгер (рисунки) ⁷ — Б. Конюшенная, д. 5, квартира 9.

Петр Петрович Потемкин ⁸ (псевдонимы: Пикуб, Фома Прутков, Андрей Леонидов) — синий цветок. Загородный, 17.

Петр Сергеевич Мосолов ⁹ — играл на рояли. В. О. — 6 линия, 23, кв. 12.

Яков Владимирович Годин ¹⁰ — Вознесенский, 55.

Пестовского ¹¹ и Кондратьева знаете ¹². Это все.

Еще, вероятно, будут, хотя я до сих пор не говорил им — не пришедшие в прошлый раз — Борис Александрович Мироненко (скрипач) и Дмитрий Семенович Стеллецкий (скульптор) ¹³, Альфред Бернардович Меерович (рояль) ¹⁴.

Последний — наверно, первый — почти наверно, второй — не так наверно.

Вчера был у Сологуба. Сказал мне очень важное и очень тонкое: не играли слов: «покрой открытых, открой закрытых» ¹⁵. Мне кажется, что не только игра. Он не верит. Потом про конец. Почему «очима»? ¹⁶ Было ли двойственное число в русском языке. И как может рядом: сверкал. Я указал ему объединяющий принцип: — не древность и не русское, а выходящее из обычного. Напомнил формы: поиме, прискаче, употребляемые и теперь в Псковской губ. ¹⁷ Его слова были, может, первым, не лирическим, что я получил о стихах. Потом он читал Литургию (567 стихов) ¹⁸ и «Я», которого я раньше не слышал ¹⁹. Боюсь что-нибудь говорить после первого впечатления. Необходимо самому прочитать, чтобы сказать. После чтения спорили Успенский ²⁰ и Байков ²¹. Потом мирно разошлись.

Возвращаюсь к нашему кругу. Надо бы установить какой-нибудь принцип. Или большая текучесть или особая строгость. С точки зрения первой, отчего не быть Недоброво, если есть Мосолов. С точки зрения второй — моей точки — обоих не надо. Но как найти объективный признак?

Ваш Сергей Городецкий

7—II—906

Вчера собрались у меня Юнгер, Пестовский, Годин. Все говорили, что лучше собраться в пятницу 10-го, а не 14-го ²². Особенно Годин: он уезжает. Можете ли Вы и как думаете. Напишите сейчас же, чтобы можно было уведомить. Узнал адреса от него.

Простите, что запачканное письмо ²³.

Еще раз Ваш Сергей Городецкий

¹ Для издаваемого В. А. Тернавцевым букваря «Наша школа. Год первый. Букварь и первое чтение» (Издание Училищного совета при Св. Синоде) Городецкий сочинял стихи и рассказы. Писал стихи для этого букваря и Блок.

² Николай Владимирович *Недоброе* (1882—1919) — поэт и литературный критик (см. наст. кн., с. 382—386). Об активном нежелании Городецкого включать Н. В. Недоброво в «Кружок молодых» см.: В. Пяст. Встречи, с. 82—83.

³ Литературно-художественный «Кружок молодых», созданный по инициативе Городецкого зимой 1906 г. Участники кружка собирались поочередно на квартирах членов, где читались стихи, рефераты, показывались рисунки, исполнялись музыкальные произведения. В. Пяст пишет, что организационное собрание кружка состоялось на квартире Блока (В. Пяст. Встречи, с. 69).

⁴ Евгений Павлович *Иванов* (1879—1942) — писатель, ближайший друг Блока. «Милый Женя, — писал Блок Иванову 8 февраля 1906 г. — Приходи, пожалуйста, во вторник 14 вечером, если только сможешь. Будет кружок. Я списался с Городецким, он согласен со мной, что ты — нужный член кружка. . .» («Письма Александра Блока к Е. П. Иванову». М.—Л., 1936, с. 47).

⁵ Блок готовился выступить на собрании кружка с рефератом о Брюсове, чье творчество крайне интересовало его в тот период. Появление сборника Брюсова «Urbi et orbi» буквально потрясло Блока. «Я едва выкарабкиваюсь из-под его стихов», — писал он С. Соловьеву. Со стихами из «Urbi et orbi» в поэтическое сознание Блока вошли новые темы, зашумел большой город, появилась «жизнь повседневная». На «Urbi et orbi» Блок написал две рецензии, но реферат о творчестве Брюсова в «Кружке молодых» прочтен Блоком не был.

⁶ Владимир Александрович *Юнгер* (1883—1918) — поэт и педагог. Автор сборника «Песни полей и комнат» (СПб., «Цех поэтов», 1914).

⁷ Александр Александрович *Юнгер* — художник, архитектор.

В. Пяст писал: «На . . .» втором собрании нашего кружка присутствовали присоединившиеся к нему со стороны Городецкого его товарищи — братья Юнгеры. Чистенько одетые студенты, один университет, другой архитектор — как выяснилось вскоре, марксисты. Один брат В. А. Юнгер, уже несколько лет как умер. Во время войны он выпустил книгу стихов: «Песни полей и комнат». В этой книге были терцины и всякая другая строгая форма. Но помню также строки, посвященные С. М. Городецкому:

Тебе, я знаю, любо все земное:
На скромно убранном столе
Ты встретишь острый сыр с душистою слезою,
И фрукты крымские в старинном хрустале;

И золотой налив, и виноград жемчужный
Обступят вин любимых ярлыки. . .
И мирно полетят слова беседы дружной,
Как журавлиной стаи вожаки. . .

. . . Оба брата Юнгера, впрочем, выделялись своею наружностью и из поэтов, и из студентов: оба носили длиннейшие крахмальные воротнички, очень черные (незасаленные т. е.) тулжурки и вычищенные ботинки. Кроме того, волосы их были очень недлинные. Брат — художник показал свои рисунки. Потом он стал известнейшим архитектором» (В. Пяст. Встречи, с. 77—78).

⁸ Петр Петрович *Потемкин* (1886—1926). Пяст вспоминал: «Я еще с самого начала прошлого 1904 года познакомился в университете с таким же первокурсником, как я, студентом-шахматистом П. П. Потемкиным. Он тогда был на естественном отделении. Окончив университет, он собирался пройти медицину и сделаться психиатром, — все только для одной цели. Его тогдашним желанием было научно доказать, что между творчеством поэтов-декадентов и поэтов — сумасшедших нет никакой принципиальной разницы. Судьба совершенно иначе повернула жизнь покойного шахматиста. А именно: через небольшой срок он сам сделался поэтом, причем довольно типичным «декадентом», медицинского факультета он не кончил, да и с естественного перешел на филологический. В «Кружке молодых» Потемкин олицетворял собой «крайнее декадентское крыло» . . . Клянусь, я ни малейшим образом не собирался сделать «поэтом» своего тогдашнего приятеля! Хотя свою книгу «Герань» в посвянительной надписи на подаренном экземпляре автор дарил мне как «Первому» его «по пути писательства вожатому». Стихотворений было принято в «Стрелы», сообщив мне об этом» (В. Пяст. Встречи, с. 64—62).

⁹ Петр Сергеевич *Мосолов* (1883—1920?) — пианист. О его участии в кружке пишет В. Пяст: «Старший брат Б. С. Мосолова, без вести пропавший в 1920 году, Петр Сергеевич, тоже подававший хорошие надежды пианист, ученик Блюмберга, несколько раз

играл в кружке с большим проникновением любимых им Вагнера и Грига» (В. П я с т. Встречи, с. 83).

¹⁰ Яков Владимирович *Годин* (1887—1954) — поэт.

¹¹ О Владимире Алексеевиче *Пестовском* (Владимире Пясте) см. наст. кн., с. 175—228. В заседаниях «Кружка молодых» участвовали как Пяст, так и его брат Борис Алексеевич Пестовский.

¹² Александр Алексеевич *Кондратьев* — поэт, прозаик, делопроизводитель в Канцелярии Государственной думы, товарищ Блока по юридическому факультету Петербургского университета. В. Пяст пишет: «На, так сказать, организационном собрании кружка, т. е. у Блока, присутствовал еще один поэт, — тогда уже окончивший университет и занимавший какое-то место на государственной службе — Александр Алексеевич Кондратьев. . . У этого молодого, скромного по манерам, но не очень скромного по языку, одетого в черное штатское платье, поэта-чиновника, каким Кондратьев был, можно сказать по собственному самоопределению, у него был свой любимый поэт Н. Ф. Щербина. . . А. А. Кондратьев был постоянным посетителем Федора Сологуба. От его, кондратьевских, стихов веяло почти столь же подлинным чутьем праэллинической культуры, как от Городецкого — праславянской» (В. П я с т. Встречи, с. 78—79).

¹³ Дмитрий Семенович *Стеллецкий* (1875—1945) — скульптор, график, в 1905—1906 гг. — близкий друг Н. В. Недоброво.

¹⁴ О присутствии «виртуоза-музыканта» А. Меровича на заседаниях кружка см.: В. П я с т. Встречи, с. 83.

¹⁵ Ср. в стихотворении Городецкого «Славят Ярилу»:

Покрой, покрой
Открытых нас
Собою.
Открой, открой
Закрытых нас
Собою.

¹⁶ Ср. в том же стихотворении:

Яри мя, яри мя,
Очима
Сверкая!

¹⁷ Ср. в том же стихотворении:

Прискаче, поиме
Любую.

Свойства стилистики этого стихотворения обсуждались в рецензии С. Соловьева на «Ярь»: «Из славянского языка Городецкий заимствует не только отдельные слова, но и грамматические формы; например: аорист (прискаче), двойственное число (очима)» («Золотое руно», 1907, № 2, с. 88).

¹⁸ «Литургия Мне» — мистерия Ф. К. Сологуба («Весы», 1907, № 2).

¹⁹ «Я. Книга совершенного самоутверждения» — стихотворение в прозе Ф. К. Сологуба («Золотое руно», 1906, № 9).

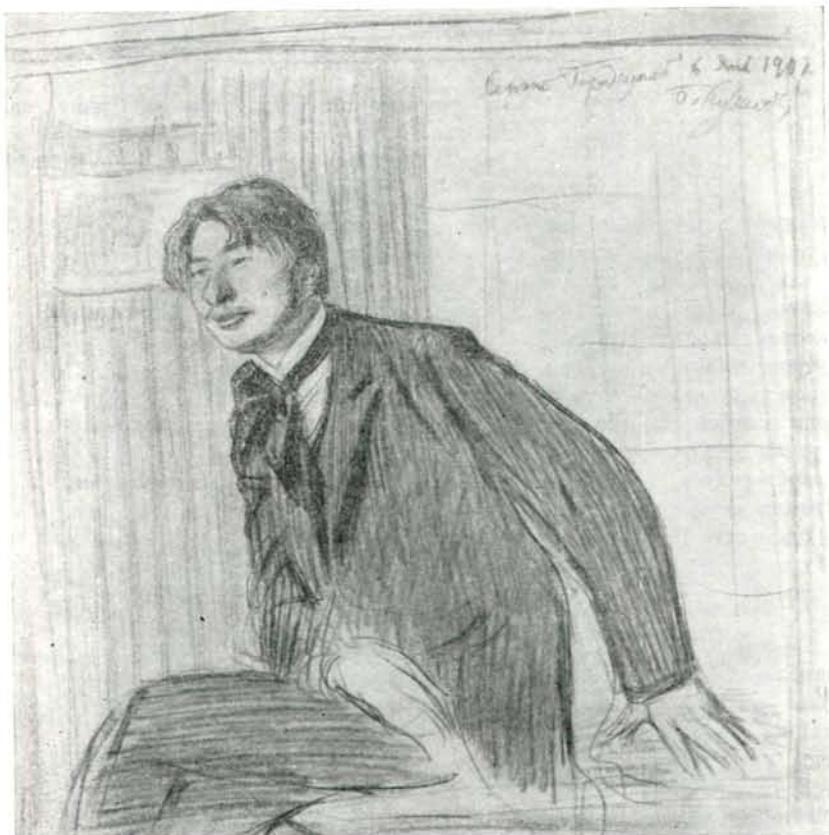
²⁰ Василий Васильевич *Успенский* — богослов, сотрудник «Нового пути», посетитель «сред» Вяч. Иванова. Александр Львович *Байков* — профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, родственник К. А. Сюннерберга.

²² Заседание «Кружка молодых» состоялось 14 февраля. Ср. запись этого дня в дневнике Е. П. Иванова: «Был у Блоков. Вечер литературно-музыкального кружка. Были оба брата Пяста. Андрей Белый приехал. Всерьез не клеилось. С Татьяной Николаевной [Гишниц] разговаривали» («Блоковский сб.», 2, с. 399). Следующее заседание, на котором Блок читал «Балаганчик», состоялось 25 февраля.

²³ Против имен членов Кружка была помета: «Адресов не знаю, знает Пестовский», — впоследствии зачеркнутая.

Дорогой Александр Александрович!

Тревожу Вас по делам. Жебелев сказал, что в субботу держать у Собольевского¹. Что надо? Фонетику и морфологию я знаю, историю русского языка читаю. Что еще? Диалектологию? (Как точно называется книга?) Палеографию? Нужно ли взять какой-нибудь памятник? Пожалуйста, напишите. Кроме того, какая книга по санскриту и польскому языку? Читали, кажется, «Пана Тадеуша»?² Еще: где достать программы экзаменов, и есть ли такие. Простите, что обременяю.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Рисунок Б. Кустодиева с подписью: «Сергей Городецкий. 6 янв. 1907. Б. Кустодиев»
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Сегодня был в «Тропинке»³, снес рисунки. Написал туда «Пасху». Поликсена Сергеевна⁴ просила напомнить Вам, что Вы тоже хотели написать Пасху. Нужно раньше для того, чтобы приготовить рисунок.

Передайте Александре Андреевне стихи, которые Вам⁵. Вам тоже написал, только посылать трудно: рисунки мешают. Вероятно, зайти к Вам будет некогда; тогда отдам у Соболевского. К последней части еще нужен эпитафия из Ваших стихов. «В щите моем горит зеленый камень» не написал потому, что боюсь неверно написать и Ваши стихи отдал читать.

Еще: что берут по греческому?»

Любящий Вас Сергей Г о р о д е ц к и й

¹ Сергей Александрович *Жебелев* (1867—1941) — профессор классической филологии Петербургского университета. Алексей Иванович *Соболевский* (1856—1929) — лингвист, академик, профессор Петербургского университета. Блок и Городецкий учились на филологическом отделении Петербургского университета. В письме Городецкий обращается к Блоку за консультацией по поводу предстоящих экзаменов.

² Поэма А. Мицкевича.

³ «Тропинка» — детский журнал (1906—1912), в котором сотрудничали Блок, Городецкий, Е. Иванов и многие близкие Блоку лица.

⁴ Поликсена Сергеевна *Соловьева* (*Аллего*) (1867—1924) — поэтесса, издатель журнала «Тропинка», сестра Вл. Соловьева.

⁵ Цикл Городецкого «Поэт» из трех стихотворений, посвященный Александру Блоку («Ярь». СПб., «Кружок молодых», 1907, с. 112). См. на след. стр.

ПОЭТ

Александрю Блоку

На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал,
чтобы узнать, что скажет он во мне.

Авакума, II, 1.

1

Высокую башню построил
Из самого белого камня.
Из самого нежного камня
Высокое ложе устроил.
И ночью покоился с ночью.
И утром туманился с утром,
И днем выпускал на молитву
Троих голубей сизокрылых.
И реяли сизые крылья
В глуби-голуби недотечной.
И реяли сизые крылья
На тканях Царицы Предвечной.
И башня белела
У грани предела.

2

Приполз к белой башне
И лег у подножья. —
Остались на пашне
Следы кровавые —
И стонет.
Пришла с длинной грудью,
Пустой и холодной,
И девочкой белой,
Немой и голодной,
И стонет.
Пришел седовласый,
Звеня кандалами,
Потешил ребенка
Своими цепями

И стонет.

Стон цепенеет.
Башня темнеет.
Алое сердце изранено.
Кровь багрянеет над пашнями.
Падают башнями
Тучи бесшумные.
Своды завалены.
Кровь заливает развалины,
Липкая, красная.
Где ты, Царевна Прекрасная,
Ясная?..

3

Трубу к устам твоим,
Забывшим крики.
Закрты небом огненным
Иные лики.
Земля зажглась! Опять
Рука поднята.
Узнай меня, как мог узнать
В огне заката.
В твоем щите горит
Зеленый камень.
Зажег от века мой зенит
Такой же пламень.
Трубу к устам твоим,
Узнавшим крики.
Дари сияньем огненным
Сердца и лики!

10

28.IV.906

Дорогой Александр Александрович.

Ужасно давно не видел Вас, соскучился и хочу очень увидеть, говорить, рассказывать, слушать, читать стихи. Поэтому особенно больно, что не был дома, когда Вы приезжали ¹. Записочка Ваша улыбается. В тот день приехал домой в первом часу, слишком усталый.

В воскресенье (30-го) ко мне приедут Чулковы, Ремизовы, Сюннерберг и др. Очень жду и Вас с Любовью Дмитриевной, с утра, на целый день ².

Пишу это письмо на случай, что ни сегодня, ни завтра не смогу зайти к Вам.

Как экзамены? Неужели еще не кончились?³

Ваш Сер. Г о р о д е ц к и й

Если Белый еще здесь и у Вас и может в воскресенье приехать, был бы особенно рад ⁴.

¹ По-видимому, 15 апреля 1906 г. Ср. запись в дневнике Е. П. Иванова от 16 апреля 1906 г.: «Встретил В. А. Пяста <...> Блок вчера в дождь с ним в Лесной ездил («Блоковский сб.», 2, с. 404).

БЛОК

Фотография Д. С. Здобнова, 1907 г., Петербург
 С дарственной надписью С. М. Городецкому
 Частное собрание, Москва

² О приезде Блока 30 апреля 1906 г. к Городецкому см. письмо Городецкого к Пясту от 11 мая 1906 г. в кн. 3 наст. тома.

³ Блок окончил Петербургский университет 5 мая 1906 г.

⁴ Весной 1906 г. отношения Белого с Блоком достигли предельного напряжения. В конце апреля Белый, рассорившись с Блоком, уехал из Петербурга в деревню.

Дорогой Александр Александрович.

Пишу на бумажке с корабликами, потому что другой нет. Живу в припрыжку. По ночам больше гуляю, либо по городу, либо здесь. На Неве совсем хорошо бывает. Иногда бреду по Самсоньевскому домой, когда все

паровики отошли, и вдруг в переулке видны казармы, или мост. Тогда хочется написать Вам письмо.

Сочиняю для букваря. Больше про пот да навоз. Его (Тернавцева) ¹ семья уехала, и от этого ему еще тесней в комнатах. Ворочается и рвет зубами копченую рыбу. Тут же стучит на машинке. Люблю его за принадлежность к разным концам. Как-то ездили на яхте, я, он и В. Успенский ². Попали в бурю, промочило до костного мозга, но было чудесно. Со стихами я в шквале, из которого еще не вырвался. Среды ³ еще бывают, неофициально. Одна была бурная. Председательствовал Бердяев ⁴, лежа на полу, потому что говорили о поле. Все вопросы нерешенные, у Иванова четыре пола, у Бердяева преодоление смерти не родом (семьей), а замкнутой личностью. Ремизов был за детей. Выразился по-ремизовски. У меня два пола и Третий (бог, сущее, экстаз), создаваемый их слиянием. Никто ничего не узнал, а говорили долго. Вам все это должно показаться далеким, городским, комнатным. Хотя что-то, кажется, должно дрогнуть. Иногда мне кажется, что я что-то знаю, но все попытки сказать *словом*, а не действием, ни к чему до сих пор не привели. Остановился на этом дольше, чем хотел. Переписываю Вам два стихотворения, на одну же тему. Это той болосы, попадаая в которую, непременно попадаешь в Вас, и стихи выходят подражательными. Оба стихотворения страдательны, потому что мысль не выразилась.

Узнаете «Незнакомку»? ⁵ Она слишком запомнилась.

Больше не посылаю стихов, хотя есть «свои». Пришлю циклом.

В «Колыбельную песню» ⁶ («Тропинка») тайком пробралась Прекрасная Дама; впрочем, это типично для «Тропинки» — мистика в кармане. Чудесен колорит стихотворения. Вас, конечно, не подозреваю в «тропинчюности».

Целую Вас крепко и кланяюсь Вашим низко.

Сергей Г о р о д е ц к и й

От брата ⁷ и сестры ⁸ Вам поклон

К письму приложены стихотворения Городецкого: «Per aspera» и «Пастораль».

¹ Валентин Александрович *Тернавцев* (1866—1940) — писатель-богослов, с 1907 г. — чиновник особых поручений при оберпрокуроре Синода.

² См. п. 8, прим. 20.

³ «Среды» — еженедельные собрания литературной и художественной интеллигенции Петербурга на квартире («башне») Вяч. Иванова. Блок хотел уберечь молодого Городецкого от посещения «сред». Городецкий вспоминает: «Но все-таки поэт Владимир Пяст — друг Блока, увел меня туда, и в одну ночь в конце 1905 года я, прочитав свои «ярильские» стихи в присутствии всего символического Олимпа, то есть Вячеслава Иванова, Балльмонта, Брюсова, Сологуба, Блока, Белого, Мережковского, Гиппиус, Бердяева, профессоров Зелинского и Ростовцева, стал «знаменитым» поэтом и на недолгое время изюминкой «сред». Когда я читал стихи, мы все сидели на полу, на коврах, при свечах, а я был в белой рубашке, и все это напоминало мне хлыстовские радения» (С. М. Г о р о д е ц к и й. Мой путь. «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. I, с. 322—323).

⁴ Николай Александрович *Бердяев* (1878—1948) — философ, публицист.

⁵ «Незнакомку» Блок впервые прочитал на одной из «сред» Вяч. Иванова. Городецкий писал: «После диспута, к утру, начиналось чтение стихов. Это происходило пресовходно. Возбужденность мозга, хотя своеобразный, но все же исключительно высокий интеллект аудитории создавали нужное настроение. Много прекрасных вещей, вошедших в литературу, прозвучали там впервые. Оттуда пошла и «Незнакомка» Блока. В своем длинном сюжете с изысканно-небрежно повязанным мягким галстуком, в нимбе пепельно-золотых волос, он был романтически прекрасен тогда, в шестом-седьмом году» (С. Г о р о д е ц к и й. Русские портреты, с. 11—12).

⁶ Стихотворение Блока «Колыбельная песня» («Спят луга, спят леса. . .») было впервые опубликовано в журнале «Тропинка» (1906, № 11).

⁷ Александр Митрофанович *Городецкий* (1886—1914) — художник и поэт. В. Пяст вспоминал о нем: «Александр Городецкий был удивительно художественной натурой. Он был первым по времени художником футуристом. Если почерк Сергея был прекрасен, — почерк Александра был еще прекраснее. Не столь разнообразный стилист в этом отношении, как Алексей Ремизов, Александр Городецкий доводил до виртуозности некоторые возможности изобразительной красоты, кроющейся в старорусской скорописи. Думаю, что сохранился один из номеров «Сусального золота», переписанный его рукой. Там было «напечатано», впоследствии действительно напечатанное в одном из футуристических сбор-

ников и, кажется, единственное, сочиненное когда-либо Александром Городецким стихотворение, из которого помню несколько строф:

Лебедь белая плыла,
Белая плыла,
Лебедь белую звала,
Белую звала. . .

И за берегом ложился, стлался, стлался, расстилался

Темный вечер. . .

И над берегом начался, вспыхнул, рдел и разгорелся,

Грохотал, горел закат. . .
Лебедь белая отстала,
Лебедь белая устала,
Белую устала звать. . .

И задернулось, вздохнуло,
Онемело небо — тело.

. . . На выставке «Треугольник», а может быть и «Венок», появились первые, предназначенные для большой публики «опусы» Александра Городецкого из области изобразительного искусства: более точно определить их место невозможно. Опус первый носил название «Пятно». Опус второй — «Зародыш». Опус третий и последний на той же выставке был — «Пятно-Зародыш». Сделаны были все эти опусы из ваты. . . Его мечтою было еще более «истончить» материал и приемы; создавать произведения искусства из листков «сусального золота» — материала, пленившего его ребенком на усыпанных золотыми орехами, покрытых искусственным снегом рождественских елках.

А. М. Городецкий безвременно скончался, лет двадцати восьми» (В. Пяст. Встречи, с. 75—77). Об А. М. Городецком см. ЛН, т. 89, с. 345—346.

⁸ Татьяна Митрофановна *Городецкая-Кун* (1890—1921).

Дорогой Александр Александрович.

Ваше письмо — самое важное, что совершил съ за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы. Вы — последнее, что надо было своротить с места во что бы то ни стало. Это письмо то, что я неминуемо ждал после «Балаганчика», подведшего итоги. Только я ждал сразу в поэзии, но так еще лучше, решительнее. Я Вам сейчас все расскажу, только напишу сначала одно свое стихотворение.

Я оплакал себя, скоронил
И могильную речь произнес.
Новый крест в куче старых могил
Бугорок надо мною вознес.

И не знаю, что делать теперь,
Что мне делать теперь без меня.
Обметая могильную дверь,
Поживу до девятого дня.

Это к ответу на вопрос, приходили ли мне в голову мысли, подобные Вашим. Наступает великое время, выходит народ. И этому времени свое искусство, тоже великое. Я не знаю, что такое символизм, но что какой-то круг завершен, это слишком ясно. Уже плотники выводят крышу и зовут хозяев, а они придут и прежде всего сломают дом. Каждый чувствует приход и пророчит на своем языке. Г. Чулков с мистическим анархизмом. В. Иванов с теориями мифотворчества. В них большая доля правды. Он говорит, что символ неминуемо приводит к мифу. Доля правды в следующем. Миф — это наибольшая ложь. А вольная ложь это существенный признак той большой, *здоровой* поэзии, которой так теперь хочется. *Лги по правде* — вот

Сергью Горюхову
 Милости и доброты.

От переводчика.
 С. М.
 1908.
 Розд. 1 ст. 10.

Ф. ГРИЛЬПАРЦЕР. «ПРАМАТЕРЬ».
 ПЕРЕВОД БЛОКА. СПб, 1909

С дарственной надписью С. М. Городецкому
 Частное собрание, Москва

формула, т. е. так, чтоб тебе поверили. Выдумывай, сочиняй, и это будет самая *нужная* поэзия. С точки зрения поэтического опыта, эти мысли есть отрицание лигатуры в лирике (лирика должна быть 100-й пробы), исполнение завета Петрарки всем лирикам: свое чувство скажи так, чтоб оно стало всеобщим. Все, что я говорю, неясно, но иначе быть не может. Новое искусство только начинается, и едва-едва можно указать некоторые его признаки: 1) сохранение всего существенного из только что законченного периода, 2) наибольшая общедоступность.

Теперь о Вас, т. е. не о Вас, а о Блоке. Оставляя восторженную аудиторию Блока в стороне, я возьму мнения людей, видящих *далее* переживаемого момента. Здесь часто встречаешь такую мысль: Блок=Блок, Б=б, где Б — потенция, а б — совершение. Я всегда сражался против этой формулы и приводил свою: Б=б+X, т. е. что совершенное далеко не исчерпало потенции. Этот X еще мелькает искорками (Сольвейг) ¹, но несомненность его

очевидна. Он мне представляется громадным, сосновым, с запахом смолы, и в предчувствии этого запаха — тайное оправдание заглавия «Нечаянная радость». Вчера Иванов сказал мне: «Смотрите, как Блок идет к реализму». Сегодня Вы пишете: «искусство должно изображать жизнь», «Фома» ² — последнее нужное произведение (напомню только одну фамилию — Леонид Андреев). Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через «реализм». Всякий идет своим коридорчиком, зато, когда встретимся под общей крышей — небом, будет нечаянная радость, может, и чаянная.

Против жизни только одно средство — жизнь. Вы не верите, что кто-нибудь напишет нужное? И не верьте, во всю. Вы думаете, что Вы не писатель? И думайте. Нужно переживать начисто. Жизнь не иссякнет, только новые формы примет. Эврипил зарыл идол Диониса, выросло дерево, он сломал — в руках змея и т. д. ³ Не пишете стихов — и не пишите. Придет само.

Вы были одним из ярких воплощений минувшего периода, теперь крутой поворот, теперь нет никакого сомнения в наступлении нового — после письма.

Дали слепы, дни безгневны,
 Сомкнуты уста.
 В непробудном сне царевны
 Синева пуста.

Будут весны в вечной смене. . .

Встретим новый вихрь видений. . . ⁴

или: Трубу к устам твоим. . .

Узнай Меня, как мог узнать
 В огне заката ⁵

Не знаю, поскольку и как ответил на Ваше письмо. Но еще одно нужно добавить: филологическое на тех страницах заслонило личное. Я ждал письма. У Тернавцева видел Ваши конверты. Почерк почернел, к земле пригнулся. Отчего не пишет — думал.

Я подбираюсь по столам и бумагам, ищу стихов на сборник. 20 нашел, надо еще. Много выжигаю. Называться будет «Ярь». Пускай в Дале справляются (яркость, сила земли; напр. грибы — поганая ярь). Совсем было собрался собирать сборник «Калечина — Малечина»⁶, имевший в виду выудить из современной поэзии просветы в будущее, ходящие в сарафане и т. д. Но за отсутствием материала сборник не состоится. Боюсь, что и «Ярь» постигнет та же участь. Стихов посылаю Вам не мало, так что письмо выйдет на неделю.

Очень хотел бы от Вас:

1. Более подробного выяснения «секрета» Горького.
2. Более подробного выяснения тезиса, что «искусство должно изображать жизнь» (поскольку Вы согласны с формулой: явление жизни — семя художественного произведения) «и проповедовать нравственность» (и то и другое слово очень далеки мне).
3. Есть ли какая-нибудь возможность получить «Нечаянную» Радость» раньше ее выхода, в виде ли корректуры или в виде рукописи?

Все это при условии, что у Вас будет охота писать. Крепко целую Вас, кланяюсь Вашим.

Сергей Г о р о д е ц к и й

К письму приложены стихи Городецкого: «Чертыка», «Полюбовник», «Мать», «Богомол», «На массовку», «На Смоленское».

¹ Стихотворение Блока, посвященное Городецкому (сб. «Нечаянная радость»).

² «Фома Гордеев» — повесть М. Горького. Блок высоко ценил это произведение. См. статьи Блока «О реалистах», «О драме».

³ Миф о фессалийском царе Еврипила, которому при дележе троянской добычи достался меняющий свои обличья фетиш Диониса, был сравнительно малоизвестным. «Но кто знаком, скажите, у нас с легендой Еврипила?» — спрашивал И. Анненский в статье «О современном лиризме» («Аполлон», 1909, № 1, с. 15). Городецкий знал эту легенду, по-видимому, со слов Вяч. Иванова, который изложил ее в стихотворении «Суд огня» («Остров», 1909, № 1); стихотворение посвящено Городецкому.

⁴ Из стихотворения Блока «Дали слепы, дни безгневны. . .» Впервые опубликовано в кн. «Стихи о Прекрасной Даме».

⁵ Из стихотворения Городецкого «Трубу к устам твоим. . .», входящего в триптих «Поэт», посвященный Блоку.

⁶ Название восходит к одноименному стихотворению А. Ремизова (1906), представляющему, по словам автора, «мифологическую обработку детской игры» и посвященному С. Городецкому (вошло в книгу А. Ремизова «Посолонь»). Этим стихотворением интересовался и Блок — 13 мая 1906 г. Б. А. Леман послал Блоку текст «Калечины — Малечины» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 43).

Дорогой Александр Александрович!

Теперь выяснилось, что ехать к Вам решительно не могу. Спасибо за зов, хотел очень. Это письмо — не в счет, и не в ответ на последнее Ваше, о котором еще не мало должен написать Вам. Пишу сейчас записку, чтоб сократить время молчания с моей стороны. Только что приехал с берегов Невы, где проверял ученика и поэтов. Ни один не описал берегов Невы как следует: вокруг все дико, «Ель, сосна, да мох седой» — разве это на что-нибудь похоже? ¹ Совершенно особое лицо у Природы здесь. Понятно, отчего *Петр* основал Петербург. Сильнее и могучее финской и среднерусской, может быть похоже на русского (=финн+славянин). Но не описываю.

У Вас сейчас Евг. Иванов? Расскажите ему про Тернавцева и букварь, не напишет ли он чего-нибудь. Нужда в чисто повествовательных рассказах, где бы совершались события ².

Целую Вас и кланяюсь Ив(анову) и Вашим

Сергей Г о р о д е ц к и й

«Описание заката» написано от живописной немочи, ужасно хотелось нарисовать и не мог.

ОПИСАНИЕ ЗАКАТА

Золотые драконы врезались в лазурную тишь.
Серые псы растерзали драконов.
Разметались их серые шкуры.
Серые шкуры разъела алая ржа.

Над письмом помета Блока — «Июль—06».

¹ Студентом Городецкий давал уроки и вел кружок начинающих поэтов. В письме приводятся строки стихотворений его учеников.

² Е. П. Иванов к этому времени уже покинул Шахматово. Блок передал просьбу Городецкого в письме от 6 августа 1906 г. (VIII, 160).

Дорогой Александр Александрович.

Собрался отвечать Вам, уже потеряв до некоторой степени нить переписки. Постараюсь восстановить ее со всей тщательностью и любовью. Опять беру и перечитываю Ваши черные буквы. И опять, когда перечитал, хочется возражать, горячо из самой сути моей. Вот главные мои положения: 1) процесс художественного творчества весь исчерпывается аппетитивной эмоцией творить и осуществлением велений этой эмоции. Никким образом недопустима примесь каких-нибудь возбуждающих идей (вроде: чтоб получить гонорар, чтоб было нравственно, чтоб понравилось Петру Иванычу и т. д.) 2) Поэзия есть познание интуитивным путем многообразия явлений жизни, познание в образах, а не понятиях (наука), идущее иногда дальше науки, может быть, игнорирующее иногда формы человеческого восприятия: время и пространство. Как видите, я отмежевал себе крепость, из которой и отбиваю все набегу нравственности, как и других посторонних идей. Места ей (нр «авственности») кругом много: и церковная проповедь, и моральные трактаты и moralite's, если на них еще будут ходить. Это все я говорю вообще против примесей, а против нравственности и специально имею. Ведь, посмотрите, на какой путь Вы становитесь! Вам предстоит или стать Буддой, Магометом, Иисусом, т. е. создать новую моральную систему (Вы это очень точно выражаете формулой: чтоб 1) Россия 2) услышала 3) меня). Уж если Россия услышит Вас, то, конечно, и вся земная поверхность услышит, потому я и говорю, что Вам придется создать всемирную мораль — или субординироваться под какую-нибудь из существующих моралей. В последнем случае Вы сдадите свое творчество и придете к статьям о вреде пьянства и курения табака. В первом случае Ваше творчество станет слугою, Вашей морали.

Относительно Пушкина и Толстого вот что. Если Пушкин и не сказал пошлости, то во всяком случае сказал улыбочное место, и не знаю, не улыбался ли сам, втискивая свое значение в эти слова ¹. А от Толстого крылья растут постольку, поскольку он не толстовец, а художник. Вот главное, что я хотел сказать. Мы с Вами задались непосильной задачей выразить, то, что выразится мож(ет) быть десятилетием, и притом выразится в образах, а мы хотим (или как будто хотим) сказать в понятиях. Оттого все наши речи деревянные, косолапы и по-дикарски яркие. Вообразите ромб. Выйдя из одной вершины, мы теперь пришли по разным сторонам к противоположным вершинам и находимся в наибольшем отдалении. Дальнейший путь неминуемо опять приведет к общей вершине.

Критика моих стихов очень любезна мне ². Рабочие не так воспринимают природу — это очень тонко замечено. Насчет неприятия мира не знаю: ведь они у меня не принимают только капиталистического строя («мира негодного пути истлевшие») ³. Вообще это стихотворение лубошное, рабочие.

А. А. ГОРОДЕЦКАЯ

Фотография, 1908 г.

Частное собрание, Москва

(чуть не сказал солдаты) идут в ногу, тишь да гладь, но сказано то, что хотелось. С Надсоном мож^{ет} быть только формальное совпадение. Разница вот в чем: никогда бы у него не вышел оратор на такой призыв, а на самом призыве окончилось бы стихотворение, причем автор еще намекнул бы, что уж конечно, «кипящего слова» не найдется. Насчет поцелуев горячо приветствую. Все можно взять, если умеешь сделать своим, присвоить. О XVIII в^{еке} глубоко согласен. Вообще если у Вас проповедь нравственности будет проявляться в таком виде, как в этом разборе, то это и есть как раз самое нужное.

Еще раз перечитывая письмо, размечтался о поездке к Вам⁴. Решительно нельзя. А вдруг? Нет. Так разговариваю сам с собой. Хотелось бы еще написать что-нибудь о себе, но все очень туманно или чересчур ясно. Литературные происшествия (уход Соколова из «Руна») рассказывать не хочется именно Вам, жихарю зеленотишья.

Целую Вас крепко и жду письма. Ваш Сергей Г о р о д е ц к и й.

Кланяюсь Ал^{ександре} Андр^{еевне} и Любви Дмитр^{иевне}.

К письму приложены стихи Городецкого: «Ой, сестрицы водяницы, леший брат, огневики!»

¹ Видимо, речь идет о словах Пушкина «И чувства добрые я лирой пробуждал» («Памятник»), которые, возможно, Блок привел в письме к Городецкому как пример борьбы за нравственность силами искусства.

² Блок разбирал стихи, посланные ему Городецким в письме от 28 июня 1906 г.

³ Из стихотворения Городецкого «На массовку».

⁴ Лето Блок проводил в Шахматове.

Дорогой Александр Александрович.

Вот и вышла «Ярь»¹. Сам сегодня сvez в два магазина. Как далеко от того, что хотелось, даже от укороченной мечты.

Грустно. Это все что чувствую.

Книжечка жалкенькая по виду и двойственная по содержанию — такова и должна быть моя «Ярь». Когда-нибудь <удь> будет настоящая, не моя, конечно. Москва оставила неизгладимо тяжелое впечатление².

Очень виноват перед вами: вернулся в воскресенье, а до сих пор не передал Вам порученных мне Рябушинским 10 р. Все думал, что буду у Вас. Завтра перевожу почтой³.

Целую Вас крепко, как люблю.

Сергей Г.

¹ «Ярь». Стихи лирические и лиро-эпические». СПб., «Кружок молодых», 1907 — первая книга Сергея Городецкого. В нее вошло 66 стихотворений — далеко не все, написанное поэтом к тому времени. Книга получила очень высокую оценку. Блок отметил в записной книжке: «Большая книга... Городецкий — весь полет... Может быть, «Ярь» — первая книга в этом году — открытие, книга открытий, возбуждающая ту злость и тревогу в публике, которую во мне великое всегда возбуждает» (ЗК, 84). Вяч. Иванов писал: «Все, что вытекло в «Яри» из народной песни, лирической и лиро-эпической, подлинно и высоко-поэтично... Он ничего не воспроизводит исторически точно или этнографически подлинно, но свободно творит так, как ему дано, ибо иначе он и не может» («Критическое обозрение», 1907, вып. 2, с. 49).

² Городецкий был в Москве в связи с изданием «Яри». Он встречался с московскими литераторами, в частности с В. Брюсовым. Подробнее о впечатлении Городецкого от Москвы см. в его письме Брюсову: «Москва ужаснула меня и оставила самое тяжелое впечатление. Протянулась какая-то неприятная нить от архитектурных подлостей — простите слово — Кузнецкого моста через гостиницу Метрополь до Скорпиона. Было так трудно подыматься по лестнице этого издательства, пройдя мимо безвкусных блестков Метрополя. Точно глаза впервые открылись, и неприятности, получаемые раньше — от неудавшихся рисунков Фефилактова, неожиданно выросли до грандиозных размеров отвращения и тоски к московщине!» («Брюсовские чтения 1973 г.», Ереван, 1976, с. 257).

³ Блок писал матери 21 декабря 1906 г.: «Рябушинский доплатил через Городецкого, который был в Москве, еще 10 рублей за жюри. Городецкий прислал «Ярь» (может быть, величайшую из современных книг) с милым письмом и надписью» («Письма к родным», I, с. 161).

Милый и любимый — как тебя звать — еще не знаю. Сейчас прочел твое вчерашнее письмо — будто снова получил его, и захотелось ответить¹. Четвертую главу прочел и знаю теперь, что надо. Ты сумел рассказать совершенно просто, ничего не потеряв своего². Выздоровливай скорей. Маленькие актрисы³ сетуют на Люб<овь> Дм<итриевну>, что она не уберегла тебя.

Целую тебя. Сергей

¹ В начале 1907 г. Блок часто встречается с Городецким. «У меня маленький жар, я сижу дома и веселюсь с Городецким», — сообщает он матери в первых числах января. («Письма к родным», I, с. 164).

² По-видимому, речь идет о 4 главке очерка Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», опубликованного в №2 «Золотого руна» за 1907 г. Возможно, Блок ознакомил Городецкого с текстом до публикации. Четвертая глава очерка посвящена «недрам» русского национального сознания (V, 90—94).

³ Актрисы театра В. Ф. Комиссаржевской — Н. Н. Волохова, В. П. Веригина, В. В. Иванова.

Дорогой и любимый.

Где ты, что ты, и какой ты? Так давно не виделась, как будто на разных планетах. Завтра выходит твоя «Маска»¹. Целую тебя. Весна нестерпима. Я совсем ослаб, и больше всего лежу. Слышал про твои стихи весенние². Очень хочу провести с тобой вечер и ночь, весной. Ведь и ты хочешь? Если можешь, приезжай в воскресенье в Лесной³.

БЛОК

Рисунок С. М. Городецкого, 1910-е гг.
Частное собрание, Москва

Про литературу не хочу разговаривать. Вячеслав⁴ говорит, что ты ах как прекрасен. С Чулковым япил как-то днем водку — четыре с половиной рюмки. Вот и все.

Твой Сергей Г.

Если не приедешь, — напиши что-нибудь <удь>, чтоб в воскресенье получить.

¹ А. Блок. Снежная маска. Изд-во «Оры», 1907. Книга стихов Блока, посвященная актрисе Н. Н. Волоховой. Тридцать стихотворений, составившие книгу, были написаны в две недели с 23 декабря 1906 г. по 13 января 1907 г.

² Городецкий имеет в виду стихотворения цикла «Ненужная весна», написанные Блоком в марте 1907 г.

³ Пригород Петербурга, где жил С. Городецкий и где любил бывать Блок.

⁴ Вячеслав Иванович Иванов.

Баку <середина апреля 1907 г.>

Вот видишь — сам не знаю — чего делается — не успел зайти к тебе, так <?> и уехал после некоторого пустого пространства в наших свиданиях. Что делаешь? Письму сюда буду очень рад, тем более, что только собирался познакомиться с тобой последнего времени. Писать трудно, п <отому> ч <то> голова пуста, т. е. полна не тем. Целую тебя, очень крепко. Кланяюсь Люб <ови> Дм <итриевне> и Сомову¹, если он еще не кончил тебя рисовать.

Твой Сергей²

Дата почт. шт. получения — 19 апреля 1907 г.

¹ Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник. Писал портрет Блока по заказу журнала «Золотое руно» в апреле 1907 г.

² В конце апреля 1907 г. Городецкий послал Блоку открытку из Тифлиса: «Пия вино, скучаю по тебе. Теперь один. Целую крепко. Твой С. Городецкий».

19

7 июля 1907 г.

Как же это мы про Пяста забыли? (Тер<ноки>)¹

Сергей Г.

Завтра <в> воскр<есенье> жду.

¹ Речь идет о Пясте как возможном участнике «Вечера нового искусства» в театре-казино в Териоки. Дата вечера выяснилась в этот день, 7 июля 1907 г. — см. письмо Блока к Л. Д. Блок от этого дня (ЛН, 89, с. 214). По-видимому, в этот же день или накануне Блок и Городецкий обсуждали состав участников. 13 июля 1907 г. на этом вечере, помимо Блока, Городецкого и Пяста, выступали А. С. Рославлев, Л. М. Василевский, Е. М. Мунт. Об одном эпизоде, связанном с этим вечером (отрицательное высказывание Блока о моральных качествах «Р.» — по-видимому, А. С. Рославлева), см.: Вл. П я с т. Воспоминания о Блоке, с. 62.

20

«Середина декабря 1907 г.»

Любимый Блок!

Непреренно приезжай в пятницу 21 дек. в Лесной пораньше вечером со всем своим прекрасным гаремом¹ — целую ему ручки вс.му, чтоб не сердился на меня (Веригина² там же).

Твой Сергей Г.

¹ Так шутливо называл Городецкий актрис театра В. Ф. Комиссаржевской, друзей Блока и Л. Д. Блок.

² Валентина Петровна Веригина (1882—1974) — артистка театра В. Ф. Комиссаржевской, близкая подруга Л. Д. Блок, автор воспоминаний об Александре Блоке.

21

4 сент. 08

Милый мой и любимый.

Пишу тебе и лирически и деловито. Лирически: очень щемит сердце и я завидую тебе, видя только за окошком, как бурекют деревья. Я только что болен был, в первый момент думал, что холерой. Но оказались нервы и простуда. Первым никогда еще не был болен. Упиваюсь бромом. Это меня подвели внезапные и трудные дела, по ликвидации прошлого. Сегодня выходил в первый раз, зеленый и костлявый.

Дела вот какие. Мой инцидент с «Весами» разросся¹ и обострился. Маленький повод потревожил большие причины, и началась «дифференциация». Ликиардопуло письмами в редакцию повторил свою гнусность, что я издеваюсь над национальностями². Я один раз опровергнул³. Написал статью в «Русь» «Аминь», в которой констатирую раскол и стою за размежевание. Схема статьи: Бальмонт, Вяч. Иванов, Сологуб вышли из декадентства, З. Гиппиус нет, Мережковский ушел в сторону, Брюсов не выполнил своей задачи, ведя «Весы» пристрастно и консервативно. Второй ряд не трогаю, т. е. тебя и Белого (о нем несколько слов, не называя)⁴. Но в следующей статье должен буду заняться именно этим. Поэтому несмотря на всю щекотливость, я просил б тебя помочь мне определить твое положение⁵.

До сих пор не было ничего неудобного быть и в «Весех» и в «Руне». Теперь идет к тому, что это станет неудобным. Говоря совсем откровенно, я думаю, что ты со мной согласен, но предпринимать что-либо не станешь. Того же я жду от Вячеслава и еще в большей мере. Между тем именно тебя и его очень интересно бы видеть в определенном положении. И у тебя и у него есть все-таки какая-то связь с «Весами», мне уж непонятная⁶. Я прошу от тебя такого же откровенного ответа, как мои эти соображения. К сведению: из «Руна» ушел из-за инцидента С. Соловьев⁷, а из «Весов»: Мейерхольд, Милиоти, Э. Вальдор⁸.

Вот и все дела.

БЛОК. «НОЧНЫЕ ЧАСЫ», М.,
«МУСАГЕТ», 1911

С дарственной надписью
С. М. Городецкому

Частное собрание
Москва

*Сергей Городецкому
от Николая Елизарова*
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ автогр.

Ночные часы

Четвертый сборник стихов

(1908—1910).

Издательство «Мусагет».
Москва—МСМХ

Ноябрь 1911.

Ты ведь поедешь в Киев? И Люб<овь> Дмитриевну бери. Я не могу без Нимфы⁹, поэтому агитирую и Чулкова взять Над<ежду> Григ<орьевну>¹⁰. С Сологубом чудеса: снял дворец и завел гарем (Но увы — Настя Чеботаревская¹¹ — плохое украшение). Может быть, и он возьмет свой штат?¹² Важен необыкновенно. Очень интересен и говорит односложно.

Чулков ради холеры перестал пить. Когда было три праздника в августе, мне невыносимо захотелось водки, но у нас на Пет<ербургской> стороне нельзя было достать, а в город не поехал — лень осилила.

Я все еще ничего не делаю и ничего не хочу делать. Впрочем, вру. Пишу рассказы. Только ужасно все короткие выходят и потому невыгодные. Первый будет в «Шиповнике». Там же будет рассказ Веры, которую ты у меня видел (VII альманах будет для «начинающих»)¹³.

Теперь совсем все рассказал — пиши.

Целую тебя крепко.

Твой С. Городецк и й

Привет сердечнейший Любови Дмитриевне.

Пет<ербургская> стор<она>, Полозова, 5, кв. 5

¹ 1906—1908 гг. были периодом ожесточенной полемики между московскими символистами, группировавшимися вокруг журнала «Весы», возглавляемого В. Брюсовым и сторонниками так называемого «мистического анархизма» — Г. Чулковым, Вяч. Ивановым, Городецким и некоторыми другими, в основном петербургскими литераторами. Общественно-литературная полемика часто осложнялась личными мотивами. Летом 1908 г. после публикации статьи «Глухое время» Городецкий был исключен из сотрудников «Весов» («Золотое руно», 1908, № 6).

² О претензиях, которые предъявил Городецкому секретарь «Весов» М. Ф. Ликиардопуло см. переписку В. Брюсова и Вяч. Иванова (ЛН, 85, 512—515).

³ С. Городецк и й. Письмо в редакцию. — «Новая Русь», 1908, № 10, 25 августа. См. также его письмо в редакцию «Золотого руна» (1908, № 7—9, с. 125) и ответ журнала на письмо М. Ф. Ликиардопуло в газету «Новая Русь» (там же, с. 124—125).

⁴ Статья «Аминь» была напечатана в «Золотом руне» (1908, № 7—9, с. 105—107).

⁵ Блок, которого часто резко критиковали на страницах «Весов», тем не менее публиковал в журнале свои стихотворения и циклы стихов. Он старался избежать разрыва с редакцией «Весов», однако его позиция была достаточно жесткой. 18 сентября 1908 г. он писал Чулкову: «Продолжают ли «Весы» заниматься своей дрянью? Если попробуют

меня оседлать, я уйду, ибо ничем, кроме прекрасных воспоминаний, не связан» (VIII, 254).

⁶ Несмотря на то, что Вяч. Иванов был одним из главных «противников» «Весов», он не подвергался на страницах журнала той беспощадной критике, которая обрушивалась на «петербуржцев». Вячеслав Иванов, как и Блок, избегал окончательного разрыва с «Весами».

⁷ С. Соловьев. Письмо в редакцию. — «Весы», 1908, № 8, с. 116.

⁸ Василий Дмитриевич *Милиоти* (1875—1943) — художник, автор вишнеток к сб. «Нечаянная радость», сотрудник «Весов». Eshmer—Valdor — псевдоним французского поэта Александра Мерсеро, который в 1908 г. жил в России.

⁹ Так среди друзей звали жену Городецкого, Анну Алексеевну Городецкую.

¹⁰ Надежда Григорьевна *Чулкова* (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова.

¹¹ Анастасия Николаевна *Чеботаревская* (1876—1921) — критик, переводчица, жена Ф. К. Сологуба.

¹² Поездка петербургских писателей осенью 1908 г. в Киев не состоялась.

¹³ Восьмой (а не седьмой) выпуск альманаха «Шиповник» был предоставлен «начинающим». Городецкий опубликовал в нем рассказы «Кроты», «Ярмарка» и «Скала» («Шиповник», кн. 8, 1909, с. 201—217), а Вера Яровая — рассказ «Три комнаты» (там же, с. 177—198). Вере Яровой посвящено стихотворение из цикла «Друзьям» в сборнике Городецкого «Цветущий посох».

Милый!

Люблю тебя верно и всегда. Вражда — святая — у нас есть, но не там, где ты видишь.

Неправда (NB), что я считаю тебя больше нашей темы — России. Только я родился с ней, а ты к ней пришел. И корень вражды не здесь ¹.

А вот где:

Я не болен, клянусь в этом. И ты мне тягостен словами о пропасти между поэтом и народом. Я ее не ощущаю. *Ее нет* ². И хочу, чтоб ты ощутил так же. Тягостен мне и союз твой с мертвыми.

На словоспреение ³ не приду, потому что мне еще рано говорить, а когда заговорю, то исповедую, а не возражая. А пока говорю каждым своим шагом, каждым взором и ненарушимой в глубине ясностью. Это не ходули, милый, а моя правда.

Приду к тебе поцеловать тебя на кресте. *Исцелишься*, и опять будем вместе.

Твой С. Городецкий

Любовь Дмитриевне особенный мой поклон.

¹ 13 ноября 1908 г. в религиозно-философском обществе Блок прочел доклад «Россия и интеллигенция», в котором сказал о «недоступной черте», существующей между интеллигенцией и народом, черте, которая определяет трагедию России. Вопрос о народе и интеллигенции рассматривал Блок как часть общей «темы России». Об этом см. в письме К. С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г.: «Стоит передо мной моя тема, *тема о России*. . . Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*. Все ярче сознаю, что это первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и *знаю*, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела прямой, как стрела — действенный. Может быть, только не отточена моя стрела» (VIII, 263).

Доклад Блока вызвал ожесточенную полемику и споры. Поэт сообщал матери: «10-го спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть — «О России и интеллигенции». 11-го объяснился по тому же поводу с Городецким, который просит тебе поклониться. Он — очень хороший, все такой же, но мы с ним не согласны» (VIII, 268).

² В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий говорил, что разделение «героя» и «народа» в «Песне Судьбы», символически выраженное в эпизоде, когда Фаина — Русь бьет героя бичом, — это недопустимый пережиток декадентства. Далее он писал: «Мы имели моменты, когда все переплавилось и соединилось. В этой переплавке навеки погиб старый грех русской жизни: оторванность интеллигента от народа. Воскрешать его — было бы непростительным ретроградством. В своей публицистической деятельности Блок принял участие в этом ретроградстве, но здоровые поэтические силы успели вовремя удержать его. Все-таки в драме успели отразиться эти мысли» («Золотое руно», 1909, № 4, с. 80).

³ 12 декабря 1908 г. Блок повторил свой доклад (под названием «Обожествление народа в литературе») в Литературном обществе. Заседание состоялось под председательством В. Г. Короленко.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ И С. А. ЕСЕНИН

Фотография, 1915 г.

Частное собрание, Москва

См. письмо Блока матери от 14 декабря 1908 г.: «12-го, как ты читаешь, вероятно, в сегодняшних газетах, читал в Литературном обществе. . . Оживление было необычайное. Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столпнера, защита Мережковского и очаровательное отношение ко мне стариков из «Русского богатства» (Н. Ф. Анненского, Г. К. Градовского, Венгерова и пр.). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились как к любимому внуку, с какой-то кристальной чистотой, доверием и лобезностью» (VIII, 269).

23

26 декабря 1908

Милый Копартнершип! ¹

Пошли, пожалуйста, на свое рефератство 30-го ² повестку Дмитрию Владимировичу Кузьмину-Караваеву (Мойка, 92). Ты, помнишь, видел его в Лесном у меня. Он с.-д. и оратор великолепный ³.

Целую тебя крепко. Твой С. Городецкий

¹ Copartnership (англ.) — товарищество на паях. Городецкий употребил это шутовское обращение, по-видимому, под влиянием чтения статьи американского социалиста Г. Д. Ллойда «Копартнершип», посвященной истории кооперации, которая печаталась в 1908 г. в журнале «Образование».

² Доклад Блока «Стихия и культура» в Религиозно-философском обществе.

³ Д. В. Кузьмин-Караваев (1886—1950-е гг.) был в это время студентом юридического факультета Петербургского университета. Он активно участвовал в прогрессивном студенческом движении, например, в передаче протеста испанскому правительству по поводу убийства социалиста Ферреро (ЛГИА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10285). В 1910—1911 гг. сблизился с Блоком (см. наст. том, кн. 3). В 1910-е годы служил по ведомству землеустройства. К этому времени относится стихотворное обращение Городецкого к нему:

Уж таял снег. В грязи тонули санки.
Мы ехали и ты взволнован был,
Жестикулировал и говорил
О подоплеке партий, об изнанке.
Была весна (в кавычках), помнишь? Что же
Мы так испуганно назад глядим?
Иль может быть, и вправду непохоже,
Что ты — чиновник, а мечтатель — дым?

(С. Городецкий. Цветущий посох. СПб., 1914, с. 115).

24

«22 января 1909 г.»

Приходи! Жду.

Прочешь небольшой реферат смогу, только в начале февраля, между 5—10¹. Что важнейшее? И что у тебя вообще? Все ли дома? И сколько вас? И кто третий? ² Целую крепко и хочу зайти раньше, чем получишь эту открытку. Твой С.

Возмущен Садовским ³. А ты? Твоя рецензия прелестна ⁴.

Датируется по почт. шт.

¹ Блок обратился к Городецкому с предложением о чтении реферата по просьбе З. В. Зверевой. 23 января 1909 г. он сообщил ей о согласии Городецкого («Литературная газета», 1971, № 31, 28 июля, с. 7). Реферат должен был состояться в Медицинском институте. Темой его должна была быть поэзия современных русских символистов. По-видимому, содержание его совпадало со статьей Городецкого «Ближайшая задача русской литературы». В письме к З. В. Зверевой от 27 января 1909 г. Блок спрашивал (видимо, по инициативе Городецкого), будут ли прения после реферата (см.: Александр Б л о к. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. М., 1975, с. 170).

² Вопросы относятся к предстоявшим Л. Д. Блок родам.

³ В рецензии на 4 книгу альманаха «Сполохи» Б. Садовской писал: «Сборник открывается стихотворением г. Городецкого «Цыган». Г. Городецкого дружественная критика еще года два назад поторопилась зачислить в разряд подающих надежды молодых талантов. За те же два года г. Городецкий успел выпустить три книжки стихотворений. Внешний успех погубил поэта, и кажется, трудно уже сомневаться, что последний его сборник «Дикая воля» прихлопнул талант г. Городецкого гробовою крышкой» («Русская мысль», 1909, № 1, отд. 3, с. 3). Следует отметить, что рецензия Б. Садовского на «Ярь» («Русская мысль», 1907, № 5, отд. 3, с. 85—86) была, в общем, благожелательной.

⁴ Рецензия Блока на сборники стихов 15 поэтов (V, 646—649) была помещена в «Русской мысли» (1909, № 1) в непосредственном соседстве с упомянутой выше рецензией Садовского.

25. БЛОК — А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

28.II.09

Милая Анна Алексеевна ¹.

Считайте за мной, пожалуйста, для Вашей няни 3 рубля. Люба воротилась, а я сейчас простужен и тоже сижу дома, но скоро Вам принесу. Целую Вашу руку.

Преданный Вам Александр Б л о к

¹ Анна Алексеевна *Городецкая* (?—1946) — жена С. М. Городецкого. По сведениям, сообщенным дочерью поэта Р. С. Городецкой, в семейном архиве Городецких хранилось более десяти писем Блока А. А. Городецкой. Почти все они были уничтожены адресатом незадолго до смерти.

26. А. А. ГОРОДЕЦКАЯ — БЛОКУ

«9—10 октября 1909 г.»

Александр Александрович!

Я прочла Ваше письмо ¹ и спешу высказать Вам свое полное негодование ². Когда вышла Ваша «Песня Судьбы», кот <орая> как в художественном, так и обществ <енном> смысле ниже всякой самой снисходительной критики, она просто жалка по бессилию, и Сергею предложили в нек <оторых> газетах и журналах дать отзыв — он отказался, не желая ругать Вас в печати. Он ограничился только разговором с Вами ³. Это поступок друга, а не извиста или фарисея.

Вы же зная, что в Пет <ербурге>, кроме «Речи», нет другой газеты, хотя бы «Слова» ⁴, где в противовес Вашей ругани была бы другая статья, Вы, конечно, зная это, нашли для себя удобным тиснуть свою рецензию.

Это поступок друга, как Вы называете себя в письме! Вы могли бы лично Сергею высказать свое негодование по поводу «Руси».

Сергей не нуждается ни в этом <. . .>, ни в Ваших похвалах, у него есть солидные доказательства значения «Руси», но ему горько и противно, что и «друзья» не выше тех евреев-дельцов, что держат «литературные лавочки».

Анна Г о р о д е ц к а я

¹ Имеется в виду несохранившееся письмо Блока к Городецкому.

² По-видимому, в письме к Городецкому, написанном предположительно 8—9 октября 1909 г., Блок предупредил его о содержании резких критических замечаний в рецензии на сборник Городецкого «Русь», которую Блок написал для газеты «Речь», где она и была опубликована 12 октября 1909 г.

³ Еще до публикации «Песни Судьбы» Городецкий посвятил ей отдельную статью «Первопутюк» в № 3 журнала «Лебедь» (номер датирован 1 декабря 1908 г.). Пересказав сюжет пьесы, Городецкий резюмировал: «Говорят, что Станиславский, прослушав, сказал: Шекспир, Гете, Ибсен. Мы скажем: Блок. Блок на первопутке <. . .> На основании некоторых мест драмы можно установить, что в намерения автора входят следующие равенства: Фаина=Россия. Спутник=Самодержавие. Герман=Современный герой. Если бы автору удавалось всегда на одной высоте держать достоверность этих знаков равенства, мы, действительно, имели бы национальное произведение, гордость народа, но насколько можно уловить, слушая чтение, не везде знаки равенства стоят с одинаковым правом. Первый, узкий смысл везде приемлем. Второй, широчайший, кажется иногда натяжкой. Мы, наверно, имеем превосходную драму личности и общества. Но, может быть, мы не имеем трагедии героя и народа. Во всяком случае, по первопутку читается ковь быстрый, смелый, новый. Просторного ему пути по всем колям необозримых полей нашей родины! Далекого ему пути по всем сердцам притихших наших родичей!» («Лебедь», 1908, № 3, с. 36). В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий писал о «Песне Судьбы»: «Слепymi, неуверенными движениями ступает он <Блок>, но по верной дороге» («Золотое руно», 1909, № 4, с. 68). Наконец, осенью 1909 г. написана Городецким хроникальная (неподписанная) заметка о 9 книге альманаха «Шиповник»: «Закончен альманах «Песней Судьбы» А. Блока. Все лирические места этого «драматического пролога» прекрасны. Но диалог неумел; драма как таковая отсутствует, и — что самое странное — смысл, предлагаемый автором пьесы, не дается непосредственно ее содержанием. Пьеса возбуждает недоумение. Как, впрочем, и подобает прологу. Надо ждать первого акта» («Золотое руно», 1909, № 7—9, с. 150—151).

⁴ Издание газеты «Слово», в которой печатались и авторы символистского круга, прекратилось 6 июля 1909 г.

«10 октября 1909 г.»

Я не ожидал иного отношения к этой книге от петербуржцев ¹. Но *из* мнением я не интересуюсь и твоей рецензии читать не буду. Также не буду с тобой ссориться, потому что не придаю значения тебе как критику и общественному дельцу ². Люблю тебя как лирика и ненавижу все иные виды. Что же касается взаимных чувств наших, то их ты оскорбил тупо и жестоко поспешностью и неумением сдержать свой «критический» порыв, хотя бы до первого свидания.

«Песни и думы» — только первый выпуск «Руси», а будет второй, третий и четвертый, в 910, 11 и 12 гг. ³, и только тогда ты мог бы судить о замыслах

Анке Аветисьяна.
Сергей и Наталья поздравил
Николая Клеова, прощу
Вася, возбудите его у
него и прогнать, и
радуйтесь, силас,
Третье от Васин и
Третье среди нас.
У меня болят суставы
о вас сейчас. Утучо
Вас в уста, как
сестру. Обнимаю мам,

Только мит Москва
Там когда придет
и Вам обилие, кидать
тихо — и лето и свобода
забыть о вурчалке
и встанет о востанке.
Вот смелая и прекрасная,
Вот Вам и простите
меня.
Вот маме там
сделайте.

А. Б.

7^ю 1911.

Если Вам известно,
то я там купил
машину, или в совет
и будет думаете сейчас,
прошу Вас, подумайте
что это так много
потому что я пишу Вам
не за себя и не за
Вас, а во имя мамы
обоим, чтобы быть как
стало легче

ПИСЬМО БЛОКА А. А. ГОРОДЕЦКОЙ ОТ 7 ДЕКАБРЯ 1911 Г.

Автограф
Частное собрание, Москва

и соответствиях. Издание, по-моему, очень изящное, особенно которое для дам ⁴. А цена такая, какую могут платить все, кто хотел меня читать и до сих пор не мог ⁵. Имею уже свидетельства, ценнейшие всего, что сумеют сказать литераторы. От всей души желаю тебе получить возможность издаваться именно так.

Огорчил ты меня очень.

С. Г о р о д е ц к и й

Листопад ⁶. 10 д<ень> 9 г<ода> Лесной

¹ Книга Городецкого «Русь. Песни и думы». (М., изд. Сытина) вызвала отрицательный отклик Блока. Он писал в рецензии: «Если бы исполнение последней книги стихов С. Городецкого соответствовало бы ее замыслу, было бы уместно говорить о самом замысле, о том страшном, многоголовом чудовище, именуемом «Русью», которое из рода в род влечет и губит своих певцов. Но исполнение не соответствует замыслу. Книга «Русь», несмотря на присутствие в ней нескольких удачных стихотворений. . . строф и образов. . . лишена цельности. В ней нет упорства поэтической воли, того музыкального единства, которое оправдывает всякую лирическую мысль; нет и упорства работы, которое заставляет нисать кольцо за кольцом в целую цепь. Это — книга переходная, полунанписанная, а потому — достойная внимания только как страница биографии талантивого автора» (V. 649—650).

² Творчество Блока-критика не получило должной оценки у современников. Отрицательное отношение к его прозе высказывали Э. Гиппиус, А. Белый, С. Соловьев и др. Следует отметить, что Городецкий со временем пересмотрел свое отношение к прозе Блока и в «Воспоминаниях о Блоке», опубликованных в 1922 г., одним из первых сказал о большом значении его прозаических работ.

³ «Песни и думы» — «первый», по словам Городецкого, выпуск «Руси» продолжения не имел.

⁴ См. сведения, предоставленные Городецким для хроники «Золотого руна»: «Сборник отпечатан двумя изданиями, роскошным (25 коп.) и простым (по 15 коп.) в количестве, далеко превосходящем обычные тиражи стихотворных сборников» («Золотое руно», 1909, № 7—9, с. 149).

⁵ Городецкий отвечает на упрек, содержащийся в рецензии Блока: «Невысокая цена и лубочность издания указывают на то, что книга предназначена для широких масс. Зачем? Это — несерьезность, производящая неприятное впечатление» (V, 650).

⁶ В 1909—1910 гг. Городецкий датировал свои письма названиями месяцев, восходящими к древнерусской традиции (листопад — октябрь, грудень — ноябрь, студень — декабрь и т. д.).

28

<11 октября 1909 г.>

Ты забываешь логику, приписывая мне нелепость, что я ненавижу тебя, как человека. Во-первых, лирик это и есть сам человек в глубочайшей своей сущности. И, сказав, что я люблю тебя как лирика, я сказал именно, что люблю тебя в твоей человеческой глубине. Во-вторых, «критик», «делец», и т. д. это все *виды*, как я и написал, т. е. маски, которые ты примериваешь, и я ненавижу только их и как раз во имя любви к сущности твоей.

Итак, первая причина желаемой тобой ссоры, как видишь, не существует.

Вторая — письмо А. А.¹ — меня не касается: это случай побочный, твое и ее дело, и не мое и твое.

Больше никаких нет поводов ссоры.

Если же ты имеешь желание ссориться, как таковое, то против этого я ничего не могу, конечно, поделаться.

С. Г о р о д е ц к и й

Листопад 11 д<ень> 9 г<ода> Лесной.

И когда были от меня тебе упреки? Высокомерие же и дурное самолюбие в себе отрицаю.

¹ Анна Алексеевна Городецкая. См. ее предыдущее письмо от 9—10 октября.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ
Рисунок С. Сорина (карандаш), 1919 г.
Частное собрание, Москва

«13 октября 1909 г.»

Я исполнил твое желание и прочел рецензию, и поэтому беру на себя ответственность за письмо А.¹ Но всецело переношу ее на тебя и этим исчерываю, наконец, конфликт. Действительно, в рецензии по внешности все прилично. Но внутренне она скверна передо мной. Говоря образно, ты налагаешь в ней на меня бархатную лапу декадентизма, из-под которой я давно вылез. Пахнет Вячеславкой². Говоря просто, умаляешь то, что ты-то уж, конечно, знаешь. Кому пот, а кому лёт, и не все верхком смеряешь, хотя бы и пушкинским³. Книжки же ты просто не прочел толком, не посмотрел года⁴ и не увидел ее души. За что надо, поругал, а за что надо хвалить свыше меры, промолчал. Уж такой ты критик.

Все это оскорбляет тот высокий образ тебя, который с самого начала живет во мне и который стремительно восприняла А., и который имеет, как я думаю, свои основания в тебе, только слишком глубоко зарытые сволочной нашей жизнью. Последнее подтверждается тем, что ты не мог не предупре-

дить меня, открывая клапан нечистот, излитых в «Речь» (. . .): вспомни Бальмонта ⁵.

Из оскорбления образа — письмо А.

В нем, насколько я знаю, кроме непосредственного взрыва чувств, было еще только мнение о «П. С.» ⁶.

И на то и на другое ответить ты ничем не можешь, если б и хотел.

Я уверен, что ты, заговорив языком своей глубины, когда-нибудь сможешь восстановить образ свой в А. Теперь же она не может слышать твоего имени. Но это только знак прямоты и подлинности чувств, которыми ты по недоглядке пренебрег.

Вот и все, милый.

Позволь мне эту нежность, в которую влагаю все, что собиралось за долгую разлуку и что берег для первой встречи ⁷.

С. Г.

Листопад. 13 д<ень> 9 г<ода> Лесной

¹ Анна Алексеевна Городецкая.

² Городецкий имеет в виду Вячеслава Иванова.

³ Блок писал в рецензии: «. . . причины такой неудачи лежат в общем стремлении большинства современных писателей предавать тиснению мысли незавершенные и образы неотчетливые. Не избежал этого и Городецкий, выпускающий книгу за книгой с неестественной быстротой. Нет ничего удивительного в том, что из шести уже вышедших в свет книг его стихов и прозы можно собрать только одну книгу хороших «лицейских» стихов: Городецкий начал печататься менее трех лет назад; до прозы же всякий поэт доходит работой многих годов, чему вечным примером служит работа Пушкина» (V, 650).

⁴ Городецкий, споря со словами Блока о «неестественной быстроте» публикации, указывает на то, что большинство стихов «Руси» написано еще в 1908 г.

⁵ Речь идет о статье Блока «Бальмонт», опубликованной в «Речи» 2 марта 1909 г., в которой дана резко отрицательная оценка четырех книг Бальмонта, вышедших в 1908—1909 гг. В заключение этой статьи Блок писал: «Так вот, я считаю своим приятным долгом посоветовать читателю, не желающему осквернить памяти о большом поэте, содействовать истреблению последних книг Бальмонта. . .» (V, 375). В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий упомянул об этом отзыве, не называя Блока по имени: «. . . один молодой критик, которого во всем можно упрекнуть, кроме отсутствия поэтического чутья, серьезно советует читателям сжечь все последние книги Бальмонта. . .» («Золотое руно», 1909, № 4, с. 68).

⁶ «Песня Судьбы» — пьеса Блока.

⁷ 15 октября 1909 г. Блок писал матери: «С Городецким — бесплодная переписка, которая ничем, кажется, не кончится» («Письма к родным», I, с. 275).

30

«9—25 июня 1910 г.»

Милый!

Ответил тебе на твое письмо тотчас, но не помню: послал его или потерял в предотъездной суматохе. Было веселое письмо: называл тебя Хаусбезицером ¹ и желал строить дом ладнее ². Я живу в имении, близ М. Вишеры, в тишине и книгах. Еще не поправился и не пошел. С тобой повидаться летом хочу непременно, приду либо приеду на день ³. Буду рад получить от тебя письмо здесь, целую крепко и люблю, привет Любви Дм<итриевне>.

Твой С. Г о р о д е ц к и й

Ник<олаевская> ж. д., Малая Вишера. Мне.

Ловил ли рыбу бродцом ночью? Хорошо!

С. Г.

¹ Хаусбезицер (нем. — Hausbesitzer) домовладелец.

² Летом 1910 г. Блок перестраивал дом в Шахматове. Письмо Городецкого от 14 мая 1910 г., начинающееся словами «Милый Хаусбезицер! Строй, строй покрепче да поладнее. . .» и сопровождающееся рисунком, изображающим Блока с топором, было получено Блоком (не воспроизводится в настоящей публикации).

³ Городецкий в Шахматове не бывал.

Милый Саша!

Я, кажется, первый раз так тебя называю, но сейчас хочется сказать по-теплее, и, именно, назвать. Мы уже несколько дней в Петербурге — адрес прочел наверху. Уже прибежал Чулков, ставший голубоглазым и седоватым, и рассказывал *все*, т. е. о «Шиповниках» и Христе, о сплетнях и верах и т. д. Пахнуло Петербургом, а тебя нет. Я веселый и здоровый, хоть в августе и потрепала лихорадка, с длинной вереницей стихов. Очень хотел бы почитать тебе и твоих послушать. Слух, что ты зимуешь у себя. Это хорошо очень, а все же жаль¹.

Есть к тебе передача. Ты знаешь Харьковский «Голубой Глаз»². Очень хороший. Они влюблены в тебя и хотят ставить «Балаганчик»³. У меня был здесь Евгений Иванович Чигринский (оттуда) и просил написать тебе об этом. Они вообще хотят устроить твой вечер, чтобы ты прочел лекцию, и стихи, и скоро тебе напишут об этом⁴. Я в прошлом году привез самые благоприятные впечатления от «Голубого Глаза» и Харькова. В «Голубом Глазе» есть чудесный карлик Гутман⁵. Будь с ним ласков.

Был ли ты когда-нибудь в Гельсингфорсе? Это необычайно. Мы провели сейчас там несколько дней, и я радостно принял какую-то важную часть Европы, т. е. культуры.

После Новгорода, где я был летом, это самое сильное впечатление. А в Новгороде XII века Спас Нередицкий — изъяснимо только в стихах.

Я принимаюсь за университет — который раз! Но, может быть, теперь прочно⁶.

Целую тебя крепко и хочу от тебя письма. Шлю сердечный привет Любви Дмитриевне.

Твой С. Городецкий

¹ После ремонта дома Блок предполагал провести зиму в Шахматове. Однако поздней осенью вернулся в Петербург.

² Кабаре «Голубой глаз» существовало в Харькове в сезоны 1909/10 г. и 1910/11 г. (закрылось 20 февраля 1911 г.). В последнем сезоне, когда во главе театра стал Е. И. Чигринский, там был поставлен ряд пьес петербургских литераторов: «Стрижка ежа» и «Молли» («Блэк энд уайт») П. П. Потемкина, «Маг» И. фон Гюнтера (перевод П. П. Потемкина) и др. С. Городецкий специально для «Голубого глаза» писал пьесу «Слепые дети» («Последние новости сезона». Харьков, 1910, № 143, 7—14 ноября). 22 ноября 1909 г. в «Голубом глазе» была поставлена «Незнакомка» Блока в декорациях Е. А. Агафонова (см. подробный отчет М. Бина <М. Ю. Берхина>. — «Последние новости сезона», Харьков, 1909, № 111, 29 ноября — 6 декабря).

³ К началу сезона пьесы Блока уже числились в репертуарных планах кабаре (Бин <М. Ю. Берхин> «Голубой глаз». «Последние новости сезона», 1910, № 139, 12—19 сентября). Впоследствии в печати сообщалось, что идут репетиции «Балаганчика» («Харьковская копейка», 1910, № 25, 19 октября). В связи с предстоявшей постановкой газета «Последние новости сезона» (1910, № 145, 24—31 октября) опубликовала подробный пересказ сюжета «Балаганчика» (подписан: «И. Э.»). Однако спектакль не увидел света.

⁴ Блок был намерен в числе лекторов («Последние новости сезона», 1910, № 139, 12—19 сентября) и, если верить газетному сообщению, получил приглашение наряду с Г. Чулковым, К. Чуковским, А. Кугелем, Городецким («Утро», Харьков, 1910, № 1151, 24 сентября). Поездка Блока в Харьков не состоялась.

⁵ Давид Григорьевич Гутман (1884—1946) — впоследствии видный советский режиссер. В 1910 г. перешел из труппы Харьковского городского театра в «Голубой глаз».

⁶ В автобиографии Городецкий писал: «Десять лет, с 1902 по 1912 год, я не мог оторваться от университета: я по два года работал по славяноведению у Сырку и Лаврова, по античности у Зелинского, по русской литературе у Жданова, по истории искусства у Айналова. . . Имея предложения от каждой из этих кафедр остаться при университете, я расстался со своей альма-матер, не сдав государственных экзаменов, потому что ни одна из них не давала мне путевки в жизнь на основе твердого мировоззрения». К 1908 г. Городецкий окончил полных 8 семестров, но не получил выпускного свидетельства. В сентябре 1909 г. он вновь был принят в число студентов историко-филологического факультета, а в октябре 1911 г. «уволен по прошению» (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 55626).

БЛОК И А. А. ГОРОДЕЦКАЯ

Рисунок С. М. Городецкого с надписью: «Блок у меня на острове. 20-11-1911»
Частное собрание, Москва

Милый мой, любимый!

Я долго ждал Твоего письма и вот оно — нежданно. Вчера как раз, или третьего дня, возвращаясь из Лесного в первую метель, вспоминал казармы и вечер и снег; и переулки, и чувствовал к Тебе нежность неизъяснимую¹. Я вне всякой литературы связан с Тобой, первыми отроческими впечатлениями бытия, и в минуты ясности, в минуты грусти одинаково, тянусь к тебе и тяну тебя к себе. Это выше и крепче много-многого.

Не грусти, нет! Ведь ты с землей. Литературу долой, а песня здравствуй! Душа должна быть растворена, как врата алтаря, у всех, кто может это теперь. А ты один из первых тут.

Ты забываешь себя. Ты бедкерствовал в нехорошей лиловости, изменял себе, Блоку².

У меня много молодежи — поэтов знакомых. Какие чудесные цветки растут там от Тебя.

Вчера Гречанинов играл музыку на «Мальчики и девочки, свечечки и вербочки» у нас, а цела певица³. Если б ты вспомнил, как это хорошо, ты перестал бы грустить.

Что тебе рассказать?

Петерб<ург> сейчас хороший.

«Гайнственные кулисы»⁴ прокучивают аванс во Флоренции. На дорогу туда хватило. Тебя не хватает очень, и в воздухе Ты всюду. Я думаю, еще через несколько времени, Тебе хорошо будет вернуться сюда. Родятся издания, театры, люди — «эх, тесное коловращенье, ох, бедная ты голова» (мои стихи).

Если б Шахматово поближе, приехал бы к Тебе на лыжах с парусом — было бы ладно!

Если бы я хоть слово получил от Тебя раньше и мне б увидеть Тебя, я не так бы написал кое-что про Тебя в одной статье⁵. Меня очень рассердило бедекерство по Вячеславу. Печатаю свою статью в «Ап^{ол}лоне» ты упустил из виду одно. Ее, может б^ыть, можно было *слушать*, читаемому *Твоим* голосом, но читать ее напечатанной невозможно. Там много черногого. Об этом, и вообще о литературе, напишу, если хочешь, особо и подробно.

Я блажен был бы закатиться в поля к земле, но сейчас в литературе так важно и так нужно нечто сработать, что грешно бросать посты. Ты должен у земли копать силу, а дарить ее здесь.

Целую Тебя крепко, как люблю.

Твой С. Городецк и й

Любови Дмитриевне сердечно целую руку. Что с Александрой Андреев-ной? Печалюсь об ней⁶.

СПб., В. О. 12 л^иния, 15, кв. 18

¹ В первые годы дружбы с Блоком Городецк и й часто бывал у поэта в Гренадерских казармах на Невке, где была квартира отчима Блока Ф. Ф. Кублицкого-Пиотух. Блок любил гулять с друзьями в метель по глухим уголкам и переулкам Петербургской стороны. Получив это письмо, Блок писал матери 25 октября 1910 г. из Шахматова: «Городецк и й написал мне очень милое письмо» («Письма к родным», II, с. 93).

² Имеется в виду статья Блока «О современном состоянии русского символизма» («Аполлон», 1910, № 8), представляющая собой обработку доклада, прочитанного 8 апреля 1910 г. в Обществе ревнителей художественного слова как ответ на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма». Блок, как и Вяч. Иванов, проводил в своем докладе мысль о кризисе, характеризующем русский символизм. «Моя цель, — писал Блок, — конкретизировать то, что говорит В. Иванов, раскрыть его терминологию, раскрасить свои иллюстрации к его тексту; ибо я принадлежу к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлеченными; к моим же словам прошу отнестись как к словам, играющим служебную роль, как к Бедкеру, которым по необходимости пользуется путешественник» (VIII, 426).

³ Александр Тихонович *Гречанинов* (1864—1956) — композитор. Написал песню «Вербочки» на слова стихотворения Блока «Мальчики и девочки, свечечки и вербочки. . .» (Сб. «Снежинки. Десять песен из детского мира». М., Изд-во А. Гутхейль, 1910). *Певица* — возможно, Александра Мартыновна *Девет* (Вознесенская), в исполнении которой Блок слушал «Вербочки» 7 декабря 1910 г. («Письма к родным», II, с. 104).

⁴ По-видимому, Г. И. и Н. Г. Чулковы («Письма к родным», II, с. 93).

⁵ На статью Блока «О современном состоянии русского символизма» Городецк и й возражал в статье «Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер!» («Против течения», 15 октября 1910 г.).

⁶ В 1910 г. мать Блока долго и серьезно болела.

Дорогой Сапа!

Евг. Вас. Аничков редактирует издание одной фирмы, которая выпускает всех русских классиков в новых изданиях. Он сам взял Добролюбова, мне дал Никитина, Пушкина, вероятно, будет редак^тировать Брюсов и т. д.¹

Вчера я был у него и зашел разговор, не взял ли бы ты Лермонтова². Что ты думаешь об этом? Если это внутренне тебе приятно, напиши мне тотчас, и тогда Аничков тотчас напишет тебе подробно условия (30 руб. с печ. листа). Я выясняю только лирическую сторону дела. Если же ты почему-либо не расположен в этом году к такой работе, то тоже напиши мне тотчас. Целую.

Твой С. Городецк и й

12 л^иния, д. 15, кв. 18

¹ «Библиотека русских писателей» под общей редакцией проф. Е. В. Аничкова выпускалась книжным товариществом «Деятель». Издания собраний сочинений И. С. Никитина под редакцией Городецк о г о и Н. А. Добролюбова под редакцией Е. В. Аничкова были осуществлены. О несостоявшемся издании Пушкина под редакцией Брюсова см.: ЛН, 85, с. 672—675.

² В работе над этим проектом Блок участия не принял. Редактором четырехтомника Лермонтова был назначен Н. О. Лернер. Издание не состоялось. При личной встрече Блока с Е. В. Аничковым 15 ноября 1910 г. последний предложил Блоку вместо Лермонтова редактировать полное собрание сочинений В. А. Жуковского (этот проект реализован не был), а также написать статью о поэтах 1880-х годов («Письма к родным», I, с. 98). Характер последнего предложения проявляется из недатированного письма Е. В. Аничкова к К. И. Чуковскому: «Что бы Вы мне сказали, если бы я попросил Вас написать для моей «Современной русской литературы» главку «Поэты-продолжатели» — 35000 букв. Это поэты 80-х годов: Надсон, П. Я., Фофанов, Апухтин, Фруг и все проч(ие), какие окажутся <...> Вы будете писать смежно с Вяч. Ивановым, взявшим на себя «Поэты-отшельники»: Вл. Соловьев, Случевский и влияние Фета и Тютчева. Мне нужна статья очень скоро. Обращаюсь к Вам так поздно, потому что поволил меня за кончик носа А. Блок» (ГБЛ, ф. 620).

34. А. А. ГОРОДЕЦКАЯ — БЛОКУ

«Конец октября 1910 г.»

Александр Александрович!

Сереза, как Вы сами знаете, любит Вас. Вы для него дорогой и красивый во всех отношениях человек. Любит Вас и отвлеченно, одним словом, Блока.

И ему тягостно то, что произошло между мной и Вами. У Серези чудесная и глупая голова ребенка — он возмущается, что я ссорюсь со всеми его друзьями. А я, действительно, ссорюсь. Требуешь от людей каких-то абсолют, а м(ожет) б(ыть), больше всего от себя и, конечно, падаешь в бездну и злишься. . .

Но моя ссора с Вами *слишком* неприятна. По двум причинам. Первую сейчас не скажу, а вторая та, что то поганое письмо, что получили от меня осенью прошлой — было выдумкой. А мой-то истинный взгляд на Вас, как на человека и поэта — совсем другой (даже стыдно вспоминать, что я там Вам написала).

Я читаю Ваши письма к Серезе и чувствую, что Вы действуете на меня как хлороформ — холодеешь и взлетаешь куда-то в черную высь и только одна молния (ненависть какая-то) пронзает на миг черноту.

И близки, близки Вы мне по взглядам на Россию, по жизнеотношению.

И что Вам, *такому*, моя ссора?

Пожалуйста, помиримся. Это будет для Сергея радостно.

А. Г о р о д е ц к а я

Вы когда-то сказали, что я умираю от неудовлетворенного честолюбия — ах, какая это неправда, если умираю, то от другого. . .

А. Г.

А уж Любовь Дмитриевна и кланяться боюсь, она то наверно прокляла меня ¹.

¹ Блок получил это письмо в Шахматове и 31 октября сообщил матери: «Письмо хорошее от А. Городецкой — она мирится со мной» («Письма к родным», II, с. 96).

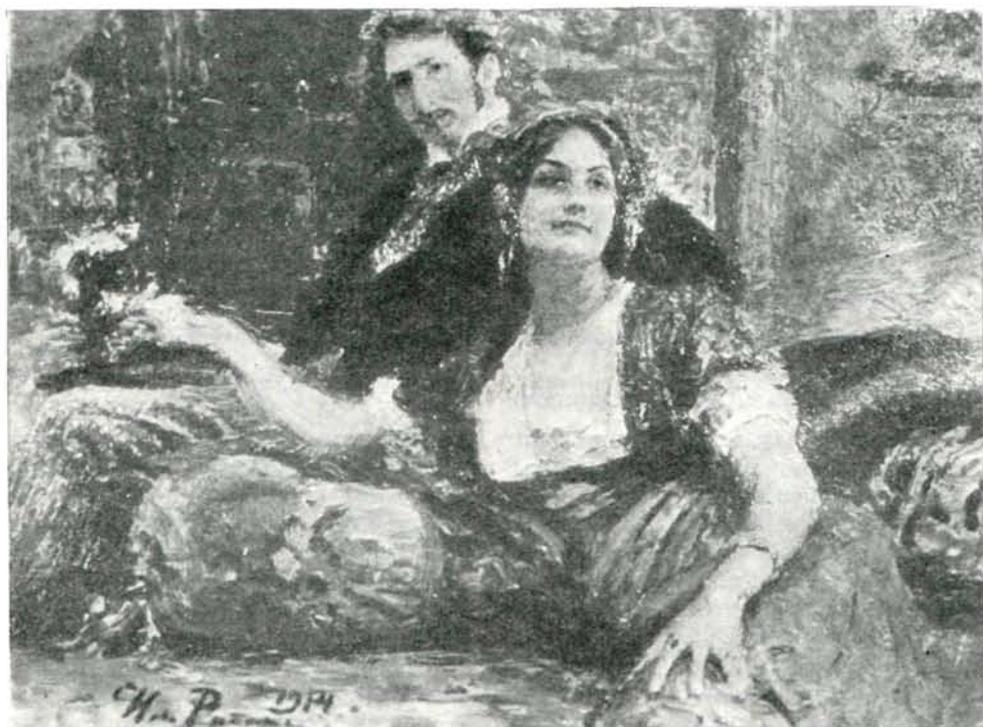
35. БЛОК — А. ГОРОДЕЦКОЙ

31.X.1910

Глубокоуважаемая Анна Алексеевна.

Ваше письмо очень дорого мне ¹ — самый факт его, и то, что в нем сказано, [зачеркнуто] ², конечно, я, может быть, совершенно неправ в том, что [зачеркнуто] ³. Знаю, однако, доподлинно одно Ваше качество: крупное самолюбие. Говорю это не к тому, что, при этом условии, особенно ценен для меня факт Вашего письма: ведь Вы поступаетесь самолюбием (верю этому), конечно, не только ради Серези, конечно, не ради меня, — а ради истины. Позвольте высказать Вам мою глубокую благодарность и мое глубокое уважение.

Не примите моего письма за официальный ответ. Если я сейчас буду говорить только о факте «ссоры», а не о том многом, что читаю в Вашем письме,

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ И А. А. ГОРОДЕЦКАЯ
 Картина И. Е. Репина (холст, масло), 1914 г.
 Государственный музей русского искусства, Киев

то только потому: 1) что письмо растянулось бы до нелепости, и о том, что Вы пишете, можно, в сущности, только говорить; 2) что сейчас очень занят и важным и неважным⁴.

Так мне хотелось только сказать Вам: я был зол на Вас за то, что Вы заподозрили меня в нечестности и низких намерениях. И только за это — это была очень большая неправда. Правда в том письме была тоже — живая (вне литературы, ее «холода»). Теперь же хочу сказать Вам и то, что моя неправда тогда заключалась в том, что я написал то, что написал, в 1) газетной 2) рецензии (хотя и после долгого взвешивания).

Больше ничего не прибавлю сейчас. Позвольте еще раз поблагодарить Вас за письмо и почтительно поцеловать протянутую Вами руку.

Александр Блок

с. Шахматово Моск. губ.

¹ Ответ на письмо А. А. Городецкой, в котором она предлагает Блоку помириться после ссоры, вызванной рецензией Блока на сборник «Русь» С. Городецкого.

² Вычеркнуто адресатом.

³ Вычеркнуто адресатом.

⁴ Осенью 1910 г. Блок занимался хозяйственными делами в Шахматове, составлял сборник «Ночные часы», вел активную переписку

Дорогой Саша!

Не можешь ли посдействовать следующему делу. Поэт Владимир Гиппиус¹, один из первых символистов, друг А. Добролюбова², печатавшийся в «Мире Искусства», «Сев(ерных) Цветах» и в «Русской мысли» за 1909 г.

(под псевдонимом <Вл. Бестужев) и не издававшийся еще (кроме первой книжки <18>94 г., в продажу не поступавшей)³, согласился бы выпустить книгу своих стихов, если бы «Мусагет» обратился к нему с таким предложением. Так вот, не напишешь ли «Мусагету», что ему следовало бы издать Вл. Гишпиуса. Я вижу в этом прямо долг мусагетовский⁴.

Ответь мне в тот же час, как получишь это письмо.

Если будешь писать, напомни, чтоб присылали мне стихи (книги).

Целую. Твой С. Г о р о д е ц к и й

К Вячесл <аву> не приехал, потому что заснул у знакомых, к которым зашел. Написал ему нежно⁵, а ответ получил большой, по-твоему, культурной ценности: иезуитский⁶.

Получил ли картинку?⁷

Датируется по содержанию.

¹ Владимир Васильевич *Гишпиус* (1876—1941) — поэт, критик, литературовед, педагог. Ранние его стихи положительно оценил Брюсов (В. Б р ю с о в. Дневники. М., 1927, с. 17, 54, 57). В 1900-е годы он, по собственному выражению, «уходил из литературы», порвав связи с соратниками по декадентству и символизму, и отдавшись всецело деятельности педагога-словесника (см. подробней: И. Г. Я м п о л ь с к и й. Письма Ивана Коневского к Вл. В. Гишпиусу. — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год». Л., 1979, с. 81—86; см. также письмо Вл. Гишпиуса к Сологубу от 10 ноября 1913 г. — наст. том, кн. 3). Блок высоко оценил лекцию Вл. Гишпиуса «Пушкин и христианство» (VII, 95).

² См.: В. Г и п п и у с. А. М. Добролюбов. — «Русская литература XX века» под ред. С. А. Венгерова, т. I. М., 1914.

³ Неточность: книга Владимира Гишпиуса «Песни» вышла в 1897 г.

⁴ Обращение Городецкого к Блоку связано с тем, что в начале ноября 1910 г. Блок договорился с издательством «Мусагет» об издании собрания своих стихотворений.

Не сохранилось никаких свидетельств обращения Блока к представителям «Мусагета» по поводу издания Владимира Гишпиуса. Книга, о которой идет речь, была издана усилиями Городецкого (см. его письмо к Вл. Гишпиусу от 13 января 1912 г. — ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 11, л. 1) под маркой «Цеха поэтов»: Возвращение. Из книги «Завет Вл. Бестужева» (1896—1906). СПб., 1912. Книга была прислана автором Блоку (VII, 159).

⁵ Возможно, что речь идет о следующем письме: «Дорогой Вячеслав! Непременно хотел приехать к Тебе сегодня, но почувствовал себя не очень здоровым и должен был остаться. Аничков и Блок скажут Тебе, что я собирался; не пойми неприезд как колебание или нерешимость. Я все пишу и рву Тебе письма. Содержание их в главном одно и то же: я убежден, что у нас гораздо больше оснований для любви, чем для вражды. Сергей. 15—XI <I> 910, ночь» (ГБЛ, ф. 109). Помимо вечера 15 ноября 1910 г., о котором пишет Городецкий в этом письме, Блок с Е. В. Аничковым навещали Вяч. Иванова вечером 24 ноября 1910 г. («Письма к родным», I, с. 98, 101).

⁶ Осенью 1910 г. Городецкий и Вяч. Иванов находились в состоянии литературного конфликта и личной ссоры. Отношения восстановились весной 1911 г.

⁷ Речь идет о шуточном рисунке Городецкого, посвященном дню тридцатилетия Блока: изображен Блок, глядящий на календарный листок с датой «16 ноября 1910». Под рисунком четверостишие:

Пред цифрой роковой, ужасом объятый,
Се стынет Александр Блок.
О друг! Не унывай! Трикраты
Ты можешь повторить сей срок.
16—XI—910.

Рисунок воспроизведен в ЛН, т. 27—28, с. 173.

37

Дорогой Саша.

27 ноября 1910

Извиняюсь за то, что не успел предупредить телеграммой тебя, что не мог прийти. Газету велел послать еще третьего дня. Позволю туда. Резкостей в мсей статье не вижу¹. Недоумения кратки и поддаются точному обсуждению*.

* Против тебя имею только две тезы: 1) искусство и жизнь — одно, 2) ты — реалист <ический> символист².

4 Литературное наследство, т. 92, кн. 2

Нисколько не уклоняюсь от него и буду у тебя в первый свободный день. Не сердился на тебя, конечно, ни минуты. Не будь так подозрителен и беспокоен! Противотеченцы стоят общего внимания, и твоего тоже.

Твой С. Г о р о д е ц к и й

¹ Газета «Против течения» со статьей С. Городецкого «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер», в которой содержались резкие полемические выпады против Блока: «Бедекер Вячеславу Иванову вообще крайне нужен, — писал Городецкий, — но Блок понимает бедекерское искусство слишком своеобразно, совершенно наоборот. Он заводит несчастного путника в такие «пурпурно-лиловые дебри», что оттуда, пожалуй, только один выход: в здание дополнительного к лиловому цветку. . .» («Против течения», № 1, 1910, 15 октября, с. 3). Спусти два номера в том же еженедельнике Городецкий поместил заметку без подписи: «О прошлой статье. Там, при передаче впечатлений от статьи Блока, проскользнуло выражение «обалделое лицо» и, может быть, еще что-нибудь. Отнюдь не от полемического задора, не от хулиганской вседозволенности идет резкость выражения. Она идет от горячности схватки, от ярой любви к защищаемому. Не великое тут распирается в торжестве мелкого, а мелочи не замечаются перед великим. Пусть будет это понятно» («Против течения», 1910, № 3, 29 октября, с. 3).

² Программа «противотеченцев» изложена в статье Городецкого «Да, против течения!» Главные объекты полемики в этой статье — Вяч. Иванов и Блок, утверждавшие, что искусство отделено от жизни, школа Брюсова — Гумилев, Эренбург и другие, у которых «содержание вытравлено совершенно и все сведено к рифмам и ямба», а также те художники, которые интересуются «процессами смерти и разложения». Поэзия Блока, в отличие от его критических высказываний, упоминается в положительном контексте: «Его неправильный стих прекрасен именно в силу неизменной своей слитности с содержанием, которое подчиняет себе форму» («Против течения», 1910, № 5, 12 ноября, с. 2).

38

18.XII.1910

Милый мой Саша.

Очень обрадуешь, если придешь завтра, в понедельник к нам, час <ам> к 9. Будут только Влад <имир> и Вас <илий> Гиппиусы¹. Почитаем стихи.

Целующий тебя нежно твой С е р г е й

Ответь по телефону: 522.70.

Но непременно будь!

¹ Василий Васильевич Гиппиус (1890—1942) — поэт и литературовед, брат Владимира и Александра Гиппиусов. В 1910 г. неоднократно бывал на собраниях молодых поэтов у Городецкого (см. три пригласительных письма 1910 г. Городецкого к нему — ИРЛИ, ф. 47, ед. хр. 13) — об этих собраниях и писал Городецкий Блоку в письме от 20 октября 1910 г. (посещали эти собрания также В. И. Нарбут, А. А. Попов (Вир), В. М. Жирмунский и др.). В рецензии на «Антологию» «Мусагета» Городецкий писал: «. . . пир, на который приглашены все, только обогатился бы от присутствия. . . таких уже интересных поэтов, как Василий Гиппиус и Владимир Нарбут» («Речь», 1911, № 173, 27 июня). По воспоминаниям Вас. Гиппиуса, Блок, знавший его с детства, следил за его поэтическим развитием. 10 марта 1910 г. Блок в письме к М. А. Куамину рекомендовал Вас. Гиппиуса в члены Общества ревизителей художественного слова («Блоковский сб.», 2, с. 362). В начале 1911 г. Блок присутствовал на одном из собраний у Городецкого и неодобрительно отозвался о прослушанных им стихах Вас. Гиппиуса (В. В. Г и п п и у с. Встречи с Блоком — в его кн.: От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966, с. 334).

39

23 декабря 1910

Дорогой Саша.

Очень жалел, что ты не пришел. У Влад <имира> Гиппиуса оказались замечательные стихи¹. А теперь я захворал и лежу. Поздравляю тебя с сочельником и целую крепко. Любви Дмитриевне руку.

Твой С е р г е й

¹ См. предыдущее письмо и письмо от 16—17 ноября 1910 г., прим. 1.

А. А. ГОРОДЕЦКАЯ
 Рисунок И. Е. Репина, 1914 г.
 Частное собрание, Москва

40

10 января 1911 г.

Любимый мой!

Целую Тебя за Твои золотые слова! Но ты не все угадал. Посылаю Тебе его письмо ко мне, очень тяжелое ¹, и мой на него ответ. Пожалуйста, перешли его ему сам. Целую тебя крепко. Я уже пришел туда, куда зовешь.

Твой Сергей

P. S.: я, вправду, ничего не понимаю. Будь судьей! ²

¹ Приложено письмо А. М. Ремизова от 9 января 1911 г.: «Сергей Митрофанович! Нахожу необходимым Вас известить, чтобы недоразумений не было, что решил я прекратить с Вами знакомство. Причиной этому — Ваши возмущающие и грубые выходы. Вот чтобы избавиться от этого, я и думаю, лучше не быть знакомым. А. Ремизов» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224, л. 69).

² О конфликте Ремизова с Городецким см. письма Блока к Ремизову от 10 и 11 января 1911 г. (VIII, 324—326).

27 марта 1911

Дорогой Саша!

Мне хочется написать тебе, что вздумалось еще про твою поэму ¹.

^A
^{III} изображен великолепно и, что самое главное, по-своему. Тут творческий процесс у тебя образцовый: бессознательно отметил те черты, которые уже воплощены (Трубецкой) ², ты пошел дальше и нашел неотмеченное (водянистость) ³. Не то с Петром. Сейчас уже есть шаблон мыслить о Петре — Серов, Добужинский и, наконец, Ауслендер ⁴. У тебя есть один образ прямо оттуда: выкаченные глаза. Ангел-фланги спасают пейзаж, но фигура уже известная ⁵. Не найдешь ли нового чего? Все дело в какой-нибудь новой гениальной мелочи ⁶.

Вспоминая твоё чтение, все больше радуюсь, что ты пишешь такую хорошую вещь ⁷. Какое-то старинное нетерпение овладевает мной.

Целую тебя крепко. Твой С. Городецкий

Вчера погулял по весеннему ветру в весеннем пальто, а сегодня болен совсем, кляча.

¹ В январе 1911 г. Блок закончил первую редакцию третьей главы поэмы «Возмездие» — самостоятельное произведение с подзаголовком «Варшавская поэма». Зимой — весной 1911 г. Блок активно продолжал работу. «Я очень деятельно пишу поэму, она разрастается», — сообщал он матери 25 января 1911 г. В начале марта поэт написал пролог и вступление ко второй главе.

«Возмездие» поэтически утверждало мысль Блока, высказанную в докладе «О современном состоянии русского символизма», где речь шла о кризисе символистской поэтической школы в России. Городецкий вспоминал: «Взор поэта ослеп к вездесущему, или, вернее, стал искать его на земле, в реальности. Этот кризис символической техники у Блока был выражением общего кризиса, в который вступил символизм. Блок начал «Возмездие» аналитически, прощупывая предметы мира насквозь, замечая все, вплоть до спичечной коробки в кабинете, из которого в гробу унесли отца.

Я помню первое чтение «Возмездия» в присутствии немногих, у Вячеслава Иванова. Поэма произвела ошеломляющее впечатление. Я уже начинал тогда воевать с символизмом, и меня она поразила свежестью зрения, богатством быта, предметностью — всеми этими запретными для всякого символиста вещами. Но наш учитель глядел грозой и метал молнии. Он видел разложение, распад как результат богоотступничества, номинализм, как говорили мы немного позднее, преступление и гибель в этой поэме. Блок сидел подавленный. Он не умел защищаться. Он спорить мог только музыкально» («Русские портреты», с. 17—18).

² Городецкий имеет в виду конную статую Александра III, выполненную скульптором П. Трубецким.

³ Образ Александра III из «Вступления» во второй главе «Возмездия»: «Городовые на панели // Сгоняли публику. . . «Ура» // Заводит кто-то голосистый // И царь — огромный, водянистый // С семейством едет со двора. . .»

⁴ Имеются в виду работы В. А. Серова «Петр I», М. В. Добужинского «Петр I» и «Петр Великий в Голландии» и рассказ С. А. Ауслендера «Ганс Вреден».

⁵ Речь идет о строках:

Провидел ты всю даль, как ангел
На шпигле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший флаги,
Внезапно заградил Неву . . . (III, 330).

⁶ В первоначальном тексте «Вступления», которое читал Блок у Вяч. Иванова была следующая портретная зарисовка Петра I:

И сам державный основатель
 Стоит на головном фрегате
 Как в страшном сне, но наяву:
 Мундир зеленый, рост саженный,
 Ужасен выкаченный взгляд;
 Одной зарей окровавленный
 И царь, и город, и фрегат. . .
 Царь! Ты опять встаешь из гроба
 Рубить нам новое окно?
 И страшно: белой ночью — оба —
 Мертвец и город — заодно. . .

Строки, кроме 1—2, были сняты автором, может быть, после критики Городецкого.

⁷ Впервые публично Блок читал первую редакцию третьей главы «Возмездия» — «Варшавскую поэму», пролог и вступление ко второй главе. К последней — XIV главе «Варшавской поэмы» в черновике относится помета: «Городецкий находит, что в этой главе вместо Музы должна появиться героиня».

42

14 мая 1911 г. «Петербург»

Дорогой Саша!

Крепко целую тебя и поздравляю с выходом книги ¹. Очень хорошо она вышла. За надпись исторического характера еще поцелуй, нежнейший ². Третий — от меня, как твоего читателя, который проведет много ладных минут с твоей книгой.

В конце той недели, наконец, уезжаем. Хотел бы еще повидаться.

Твой С. Городецкий

¹ В мае вышел первый том Собрания стихотворений Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1898—1904). (Изд. второе, исправленное и дополненное. М., «Мусагет», 1911). 19 сентября 1911 г. Городецкий напечатал в газете «Речь» № 257 статью об этой книге «Юность Блока», «несказанно тронувшую» (VII, 70) Блока, как записал он в дневнике.

В этой статье Городецкий писал: «Забронированная плотной серой обложкой, с простой наборной надписью; вышла нынешней весной эта книга, одна из нужнейших в русской литературе, уже ставшая для многих молитвословом любви».

Всегда бывает жалко, когда поэты разоряют первые свои создания, в большинстве случаев краткие, собранные скупно, с младенческой жестокостью, и выпускают их в свет в новом, «исправленном и дополненном виде». Особенно есть основание пожалеть об этом, когда вокруг книги создается такая атмосфера сочувствия и соперничества, какая создавалась вокруг небольшой, украшенной лилиями и готическими буквами книжки, вышедшей у «Грифа» в 1905 году, под заглавием, прозвучавшим так странно: «Стихи о Прекрасной Даме».

Но есть один случай, когда авторское своеволие оправдывается вполне. Это, когда все дополнения и изменения, вносимые автором, имеют целью дать более полную картину органического развития его поэзии, а сам автор, по типу своему, именно может служить примером органического развития.

Большинство поэтов развивается неорганически: одно влияние сменяется другим, первоначальные ростки гаснут бесследно, и на месте их являются новые, однозвучные струи в ряде годов творчества то иссякают, то прерываются: нет планомерного, во всех частях одинаково стремительного роста, нет в ранних интуициях постижения всей сложности будущей художественной идеологии.

Органически развивающийся поэт принадлежит к редким ценностям, требующим большой прочности рождающего их культурного слоя, и прочной литературной традиции.

Русская культура не сплошная, а нечто пористое, прерывистое, и потому русский гений по типу своему фрагментарен. Пушкиным и Врубелем не представляется возможности развиваться до полного раскрытия их сил. . .

Творящей силы у нас непочатый угол, а возможности органически развиваться нет почти никакой.

Как мы могли родить Блока — это одна из улыбающихся загадок, сулящих пышное будущее и неистово скрывающих его корни в настоящем. Недаром вся его поэзия овеяна улыбкой недавней беглянки Монны Лизы, и облик ее — у него среди любимейших. . .

Что Блок является прямым последователем поэзии Владимира Соловьева, занимающей такое прочное, но и такое торжественно-одинокое место в русской литературе, было замечено уже первыми его критиками. Теперь можно сказать, что последователем единственным.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Рисунок (шарж) С. Ю. Судейкина, 1919 г.

С надписями «Городецкому Судейкину. 1919. Большевицкий Декабрист 1920 год».

Частное собрание, Москва

В примечании к стих. «Предчувствую тебя» Блок говорит, что выражение «тоскуя и любя» принадлежит Владимиру Соловьеву. Там, за небольшим камнем скрываются многоверстные горные дали. Так, в два дееспричастия вмещается история жизни. . .

Блок в высшей степени причастен реализму, этой существеннейшей черте русской литературы. . .»

² Экземпляр книги, принадлежавший Городецкому, не сохранился. Надпись Блока неизвестна.

43

24 июня 1914

Милый мой Саша!

Молчать долго, делать всякое свое дело, залезть в сосны, притихнуть, страхнуть город, загореть, надышаться смолой — и потом вдруг с полным глотком солнечного воздуха вспомнить, что любишь тебя, и схватиться за скрипучее летнее перо! Хотел бы; чтоб это письмо застало тебя в Шахматове, и чтоб ты ответил мне на него до отъезда за границу ¹. Твое письмо я получил перед самым отъездом сюда, и тем, что было в нем нежного — растрогался, что темного — опечалился. Да, годы убивают ярое буйство. Вчера, на Ивана-Купала, мне даже через костер не прыгалось и почти было странно, зачем другие палят себе щеки и не обривавшиеся еще подбородки. А ты уж мог так великолепно передать чувство воспоминания! . . . «Ночные часы» в «Мусагете» очень хороши, но Исход можно приводить в учебниках психологии. Эти скобки, эта смена расплывчатого остроконкретным действую опять магически. . .² Выходит ли книжка теперь («Н. Ч.») или осенью? ³

Я все еще в Никитине ⁴, и предстоит поездка в Петербург и Воронеж, никак не ожидал, что так затянется. Трудно мне длинно писать, а статьи нужны довольно длинные.

Мне приходит одна мечта: что если б ты, проезжая почти мимо нас в Европы, заехал бы к нам? Если на Вержболово едешь, то от Ковно до нас час езды по жел. дор. Только надо списаться, чтоб нам не разъехаться. Было бы славно!

Целую тебя крепко. Любящий тебя С. Г о р о д е ц к и й

ст. Янов. Либаво-Роменской ж. д.
им. Сонтоки

Этому письму предшествовало неоконченное и неотправленное письмо Городецкого к Блоку из той же усадьбы Сонтоки конца мая—начала июня 1911 г.: «Дорогой Саша!

Твое письмо, хоть и грустное, очень меня обрадовало нежностью своей. Я уж среди сосен у черта на куличках под боком Европы. Поедешь — если через Вержболово — почти мимо. Хорошо, если б завернул к нам. В середине июня еду в Петербург и Воронеж — все из-за Никитина, в которого закопан с головой, а к июлю опять сюда до поздней осени.

Читаю твою книжку — молитвенник любви — и бережно начинаю писать о ней для «Речи». Вот что мне примечательно очень: твое поэтическое развитие может служить примером органического поэта («ического») развития — необычайно вообще редкого. Это не лейтмотивизм, довольно обычный, а настоящий рост, равномерно везде напряженный. А если бы ты представил вполне, что это значит, ты во многом бы из своего русского песимизма поколебался» (ЦГАЛИ, ф. 1220, оп. 1, ед. хр. 48-а).

¹ 5 июля 1911 г. Блок уехал в Бретань, где уже находилась Л. Д. Блок.

² «Ночные часы» — цикл из четырех стихотворений Блока, помещенных в «Антологии» издательства «Мусагет» (М., 1911), «Исход» — под этим заглавием было впервые опубликовано в «Антологии» стихотворение Блока «Идут часы, и дни, и годы. . .» Восторженный отзыв об этих стихах Блока содержится и в рецензии Городецкого «Шир поэтов («Антология»)» («Речь», 1911, № 173, 27 июня).

³ Четвертый сборник стихов Блока «Ночные часы» вышел в московском издательстве «Мусагет» в конце октября 1911 г.

⁴ С. Городецкий редактировал для издательства «Деятель» собрание сочинений И. С. Никитина (см. прим. 1 к письму от 25 октября 1910 г.).

44

16 сентября 1911 г.

Дорогой Саша,

Письма твоего так и не получил: странствует.

Тороплюсь тебе написать вот что:

Миролюбов ¹ просит тебя прислать стихи для «Современника» ² и «Знания», где он соредактор. Не зная твоего адреса, делает это через меня ³. Напиши ему, пожалуйста Schweiz. Davos-Platz, Poste restante.

Целую тебя крепко. Твой С е р г е й Г.

¹ Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — редактор ряда журналов и сборников 1900-х—1910-х годов.

² В ноябре 1911 г. Миролюбов сообщил Блоку о своем уходе из журнала «Современник» и переходе во вновь организуемый журнал (впоследствии получивший название «Заветы») — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335, л. 6.

³ В архиве Блока сохранилось письмо Миролюбова из Давоса от 26 июля (8 августа) 1911 г. с теми же просьбами, о которых пишет Городецкий. Судя по помете Блока, он ответил Миролюбову тотчас по получении письма Городецкого — 16 сентября 1911 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335, л. 3).

45

19 сентября 1911 г.

Милый Саша,

Это, вероятно, формальность. Банку посылаю запрос ¹.

Я пишу кратенькие статьи о поэтах для энциклопедии «Деятель» ². О тебе тоже. Сообщи, пожалуйста 1) как называлась твоя университетская работа о Болотове, 2) в котором году ты кончил университет, 3) какие годы вел критику в «Золотом» Руне» и 4) в котором году ставился «Балаганчик» и где, кроме Петербурга ³, — если помнишь, конечно, все это без справок.

Любящий тебя С е р г е й Г.

¹ Финансовым взаимоотношениям посвящены также письма Городецкого Блоку от 15 мая, 1 июня, 6 сентября 1912 г. и от 20 февраля 1913 г., не воспроизведенные в настоящей публикации.

² Книжное товарищество «Деятель» выпускало оставшуюся незавершенной «Русскую энциклопедию» в 1911—1915 гг.

³ В статье о Блоке в «Новом энциклопедическом словаре» (т. 6, 1912), стлб. 899) Городецкий упомянул о постановках «Балаганчика» «в других городах».

46

«20—27 сентября 1911 г.»

Милый мой Саша

Не ответил тебе тотчас на твое нежное письмо, потому что это был разгар беготни по канцеляриям из-за воинской повинности (все выяснится 28-го) ¹. Да и ответить могу только молча или поцелуем. Очень хочу увидеться поскорее, но чересчур все еще занят ².

За сведения спасибо ³. Твое первое письмо наконец пришло ко мне.

Привет сердечный Любви Дмитриевне.

Любящий тебя твой С е р г е й Г.

Когда ощущаю нежную близость между нами так явственно, как сейчас, после твоего письма — весь исполняюсь каким-то особенным лицованием, неиспытываемым ни от чего другого.

С.

¹ 28 сентября 1911 г. Городецкий писал неустановленному лицу о том, что он «вызвонился» и его не взяли в солдаты (ЦГАЛИ, ф. 1220, оп. 1, ед. хр. 54).

² Встреча Городецкого с Блоком произошла в конце сентября—первой половине октября 1911 г. 17 октября 1911 г. Блок записал в дневнике в перечне встреч начала осени: «Городецкий — затихший, милый. Его статья обо мне, неказанно тронувшая <...> Его комедия — свидания с Савиной, аудиенция у чиновника Теляковского. Его жена поэт» (VII, 70).

³ После получения сведений от Блока заметка Городецкого для энциклопедии приобрела следующий вид: «Блок Алдр. Алдр., русс. поэт, р. 1880; 1906 оконч. истор.-фил. фак., с 1903 сотруду. в разн. периодич. изданиях. Изд. сборн.: «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), «Нечаянная радость» (1907), «Снежная маска» (1907), «Земля в снегу» (1908), «Ночные часы» (1911), «Лирич. драмы» (1908; из них «Балаганчик» шел в СПб. 1907-8 в театре Коммиссаржевской), 1911 вышел 1-й т. собр. стих. Б. Примакая к модернизму, Б. создал собств. особ. ритм, приближающ. к ритму немецк. поэтич. речи, но в яз. и стиле Б. чувствуется и лучш. традиция русс. поэзии, что не мешает Б. быть поэтом ярко-оригин., с крайне индивид. мироощущением» («Русская энциклопедия», СПб., т. 3, Бингли—Вар, 1912), с. 43).

47

«Середина октября 1911 г.»

Милый мой Саша!

Пожалуйста, приходи — и с Любовью Дмитриевной — 20-го в четверг. Будут молодые поэты, а ты — в классиках. Жду непременно ¹.

Целую тебя крепко.

Любящий нежно твой С е р г е й Г.

(Вечером, к 8-ми).

¹ Приглашение на первое заседание будущего «Цеха поэтов». Аналогичное приглашение получил Пяст: «Дорогой Владимир Алексеевич, Вы приглашены в новый литературный кружок для чтения и обсуждения стихов. Первое собрание назначено в четверг в 8 часов вечера, у С. М. Городецкого. Фонтанка 143. Уважающий Вас Н. Гумилев» (ГПБ, ф. 248, ед. хр. 140). Это было единственное заседание Цеха, на котором присутствовал Блок. Вас. Гиппиус вспоминал: «Осенью 1911 года в Петрограде было первое собрание — сначала только приглашенных. Потом собирались они также у Гумилева — в его своеобразном домике в Царском селе, изредка у М. Л. Лозинского. Собирались весь первый год очень часто — три раза в месяц. Гумилев и Городецкий были «синдиками» и по очереди председательствовали. Новых членов цеха выбирали тайной баллотировкой после того, как читались вслух их стихи. Много было в цехе недолгих гостей — скоро отошли старшие поэты из числа приглашенных (Блок, Кузмин, Ал. Н. Толстой, Вл. Пяст и некоторые другие), одни ушли сами, другие — по формуле, предложенной синдиками — были «почетно исключены». Самыми прилежными, не пропускавшими почти ни одного

собрания были — Анна Ахматова, Е. Кузьмина-Караваева, Зенкевич, Нарбут, Лозинский, Мандельштам, Георгий Иванов, Моравская и я. И конечно, синдики (Вас. Г а л а х о в «Вас. Гиппиус»). Цех поэтов. — «Жизнь», Одесса, 1918, № 5, с. 12).

48

31 октября 1911

Мой милый, мой нежный, спасибо за ласку. Грустен я от какой-то внутренней тишины, особенно ощутимой на людях. На тебя смотрел, как ты чертил и писал, много и с любовью¹. Увидел бы тебя у нас с радостью. Позвони, выходя ко мне, 272. 14. Слишком огорчусь, если не застанешь. «Ночных часов» жду нетерпеливо². Целую тебя крепко.

Твой С е р г е й

¹ Речь идет о заседании Общества ревнителей художественного слова 29 октября 1911 г., на котором В. Пяст делал доклад «Нетто о каноне». Ср. запись в дневнике Блока: «Вечером «Академия» — доклад Пяста, его старая статья о «каноне», многоглаголанье Вяч. Иванова усыпило меня вовсе» (VII, 78). В дневнике С. П. Каблукова отмечено, что на этом заседании, кроме Блока, Вяч. Иванова, Пяста, Городецкого, присутствовали также М. Кузмин, О. Мандельштам, Ахматова, Е. А. Зноско-Боровский, В. А. Чудовский, К. А. Сюннерберг и др. (ГПБ, ф. 322).

² Блок подарил Городецкому экземпляр «Ночных часов» с надписью: «Сергею Городецкому от нежно любящего автора. Ноябрь 1911» (Частное собрание, Москва).

49

27 ноября 1911

Милый Саша,

будь ласков к Павлу Петровичу, и, если есть, дай книжечку для Новгородской — лучшей в городе — общественной библиотеки¹. Вероятно, ту кучу, которую ты мне показывал, ты уже отдал? Целую тебя крепко. Хвораю слегка. Любящий тебя крепко

Сергей Г о р о д е ц к и й

¹ 5 декабря 1911 г. Блок писал матери: «Мама, я все забываю тебе сказать, что почти все твои книги ушли в библиотеку в Новгород, за ними приходил ко мне очень милый новгородский интеллигент» («Письма к родным», II, с. 187). 7 декабря 1911 г. газета «Новгородская жизнь» (№ 300) сообщала: «Писатели Сергей Городецкий и Александр Блок пожертвовали библиотеку Общественного клуба 88 томов книг сочинений иностранных писателей и новой русской литературы, в том числе несколько книг со своими произведениями».

В недатированном письме М. М. Пришвина к А. М. Ремизову содержится упоминание о том же эпизоде: «... приходил ко мне некий человек из новгородских деятелей и рассказывал, что были они у Блока и узнали от него о Вашей предполагаемой поездке в Новгород. Сему человеку пришла мысль просить Блока прочесть в Новгороде о символизме, а Вас и меня — рассказы для какой-то пользы» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 171, л. 29). Лекция и чтения, о которых идет речь, не состоялись.

50. БЛОК — А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

7.XII—1911

Анна Алексеевна.

Серёже я посылаю послание Николая Клюева, прошу Вас, возьмите его у него и прочтите, и радуйтесь, милая. Христос с Вами и Христос среди нас¹. У меня болит сейчас о Вас сердце. Целую Вас в уста, как сестру. Сделайте так, чтобы мне можно было иногда прийти к Вам обоим, посидеть тихо — и легко и свободно говорить о внутреннем и болтать о внешнем. Вы сильная и прекрасная, верю Вам и простите меня.

Вы можете так сделать.

А. Б.

Если Вам неприятно, что я так неумело пишу, или Вы совсем о другом думаете сейчас, прошу Вас, подумайте об этом только минуту, потому что

я пишу Вам не за себя и не за Вас, а во имя нашего общего, чтобы всем нам стало легче.

¹ См. публикацию писем Н. А. Клюева к Блоку в наст. томе. Письмо Клюева, полученное Блоком 5 декабря 1911 г., произвело на него сильное впечатление. 6 декабря он записывает в дневнике: «Я над Клюевским письмом. *Знаю все, что надо делать*: отдать деньги, покаяться, раздать смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу» (VII, 101). Через три дня (9 декабря): «Послание Клюева все эти дни — поет в душе». Блестяще написанное письмо Клюева, метафоричное, наполненное фольклорной образностью, замысловатое, резко обличало Блока, призывало его отдать все, идти в народ.

Клюев просил показать это письмо Городецкому. Блок незамедлительно выполнил эту просьбу: «Переписка письма Клюева. Письма Городецкому и Анне Городецкой. И посылка им послания Клюева. . .» (VII, 101).

51. А. А. ГОРОДЕЦКАЯ — БЛОКУ

1911. декабря 9

Я плачу, читая Ваше письмо и письмо к Вам Клюева.

И ничего не знаю.

И только молю Бога, что б Вам было хорошо.

А со мной вот что. Бывают дни, когда я во блаженной и смиренной любви своей к Вам, мой единый бог, брожу без конца по пустынной набережной, и мне кажется, что я в золотой сетке качаюсь в синеве небесной. И нет у меня тела, — я божья. И так хорошо, как в вечной жизни. И когда возвращаюсь домой, то и стены пропускают меня сквозь себя. И будто я не я.

А часто я воплю дико и пронзительно, как вопит ночью вдова на могиле мужа.

В сумерки я была одна на кладбище и вдруг слышу сзади себя нечеловеческий вопль. Это вдова-крестьянка, как птица, билась на могиле мужа. И не плакала смиренно, как надо, а кричала бесноватым голосом в небо к богу. И я знаю, что эти вопли разрывали сердце самого бога¹.

И я так часто плачу по Вас.

Господи, Господи, что же мне делать, я не знаю. Простите за это письмо и не осуждайте меня.

А. Г.

За книгу благодарю очень.

Если бы Вы только знали, как я близка к смерти. Но это для меня не горе, но радость светлая.

¹ 10 декабря 1911 г. Блок отметил в дневнике: «Письмо мучительное А. А. Городецкой».

О сложных личных отношениях Блока и А. Городецкой говорит запись Блока в дневнике: «Сережа Городецкий, не желая принимать никакого участия в отношении своей жены ко мне (как я когда-то сам не желал принимать участия в отношении своей жены к Бугаеву), сваливает всю ответственность на меня (как я когда-то на Бугаева, боже мой!)» (VII, 109).

52. БЛОК — А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

17.XII.1911

Анна Алексеевна, простите, что не мог Вам вовремя написать, не было вчера свободной минуты. Сегодня не могу прийти, очень расстроен¹.

Преданный Вам Александр Б л о к

¹ В конце 1911 г. Блок находился в состоянии мучительной психологической раздвоенности. Его дневник этих дней содержит частые упоминания о духовной и физической усталости, сомнениях и колебаниях в выборе пути. Блок записывает 17 декабря 1911 г.: «Сегодня расстроен. Третьего дня — мучительно. Вчера вечером — А. П. и Е. А. Ивановы, а после них до 5-ти часов утра разговор с Кузьминым-Караваевым. *О том, что «пора»* (и он). Злой, тяжелый, достоевичина. . .» (VII, 102).

Отношения Блока с Городецким к концу 1911 г. осложнились. См. запись Блока в дневнике 26 декабря: «Сегодня — Городецкий у меня весь день. Трудный, в общем,

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ
 Фотография, 1950-е гг.
 Частное собрание, Москва

разговор. Он говорит: Анна Алексеевна ставит ему меня в пример деятельности, мудрости, никуданехождения и т. д. То, что он называет *магией*, возникающей между нами, он не хочет знать, ему это или неприятно < . . . > или безразлично. Ему в этом главное — то, что он не видит меня систематически. . . » (VIII, 108).

53

16 апреля 1912 г.

Милый Саша.

Напиши хоть слово. Уже и счет потерял дням, что тебя не видел. Не мешал бы твоему одиночеству и этой запиской, если б не грустил очень по тебе.

Твой С. Г.

54

18-IV-1912

Милый Саша

Моя любовь к тебе чиста и проста, и ее ты огорчил, такую, своим письмом. Чиста она от теорий, которые мешают жизни ¹. Проста она тем, что больше хочет видеть и осознать любимого, чем знать о его глубине, до которой не добраться.

Неужели ты уже не понимаешь таких вещей?

Уезжал я не раз, но буду здесь еще и в мае.

Каравай ² неправду сказал про мое расстройство. Чувствую себя ладно. «Снежную Ночь» ³ получил. Спасибо, милый.

Прости, что помешал тебе своей запиской ⁴. Не для переписки ее писал.

До свиданья Твой С. Г.

¹ Возможно, намек на антисимволистское выступление Городецкого (вместе с Д. В. Кузьминым-Караваем и Н. С. Гумилевым) на заседании Общества ревнителей художественного слова 18 февраля 1912 г. «В конце своей речи С. М. Городецкий

сказал слова, которые воспроизвести точно не сумею, но в которых заключалась формула полного его обособления от символизма» (Н. В. Не доб ро в о. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. — «Труды и дни», 1912, № 2, с. 27).

Письмо Блока, видимо, было посвящено теории и поэтической практике «Цеха поэтов», руководителями которого были Н. Гумилев и Городецкий. 17 апреля Блок записал в дневнике: «Когда мы («Новый путь», «Весы») боролись с умирающим плоско-либеральным псевдореализмом, это дело было реальным, мы были под знаком Возрождения. Если мы станем бороться с неопределившимся я, может быть, своим (I) Гумилевым, мы попадем под знак вырождения. Для того, чтобы принимать участие в «жизнотворчестве» <...> надо воплотиться, показать свое печальное человеческое лицо, а не псевдолицо несуществующей школы. Мы — русские» (VII, 140).

² Д. В. Кузьмин-Караваев.

³ 11 апреля Блок просил мать передать «Снежную ночь» близкому живущему от нее Городецкому («Письма к родным», II, с. 195).

⁴ См. предыдущее письмо.

55

15—X—1912

Милый Саша.

Прими «Иву»¹.

От Бестужева я уже получил стихи². Пожалуйста, пришли свои тотчас³.

Кроме того, очень прошу стихов (не одно!) для Велеса, которого уже вторая книга спешно собирается⁴. Первую принесу, когда приду. 17-го меня судят⁵, так после этого.

Целую тебя крепко. Твой С. Г.

¹ «Ива» — пятая книга стихотворений Городецкого (Изд-во «Шиповник», 1913 г.) — вышла в середине октября 1912 г. с посвящением: «Анатолию Константиновичу Лядову с любовью и восхищением». Блок 11 ноября 1912 г. записал в дневнике «...вчера я читал «Иву» Городецкого, увы, она совсем не то, что с первого взгляда: нет работы, все расплывчато, голос фальшивый, все могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блестят самоценно — большая же часть оставляет равнодушные и скуку» (VII, 178).

² Владимир Васильевич *Гиппиус* (псевд. В. Бестужев, см. также с. 49) — поэт, один из первых символистов. Стихотворения Вл. Бестужева «Александрю Блоку» («Ты думаешь — они оттуда ринутся?») и «Александрю Блоку. Ответ» — цикл из 4-х стихотворений для публикации в журнале «Гиперборей». См. примечания к письму Городецкого к Вас. Гиппиусу от 11 сентября 1912 г. в разделе «Блок в неизданной переписке современников» в наст. томе.

³ «Вл. Бестужеву. Ответ» («Да, знаю я: пронзили ночь от века...»).

⁴ Альманах «Велес», посвященный русскому и славянскому искусству, был задуман Городецким и А. М. Ремизовым как журнал еще в 1909 г. («Речь», 1909, № 121, 5 мая; «Золотое руно», 1909, № 6, с. 79). Первый выпуск альманаха под редакцией Городецкого и Янко Лаврица относится к 1912 г., следующие книги изданы не были.

⁵ По делу издательства «Шиповник» Городецкому инкриминировался рассказ «Погибшее согласие», вошедший в его книгу 1909 г. «Кладбище страстей». Он был обвинен по 1001 статье Уложения о наказаниях и приговорен к штрафу («День», 1912, № 17, 18 октября).

56

12.XI.1912

Дорогой Саша.

Может быть, возможно выяснить дело с книгами моих рассказов скорее¹. Положение мое продолжает быть критическим, и равновесие может наступить только, если издам книги на сносных условиях². Мне кажется, что там, где Сологуб и Ремизов, моей прозе место может быть уделено по справедливости³. Не сердись, что тревожу, но ты сам мне сказал, что думал обо мне в связи с «Сирином»⁴, и я только прошу удумать дело теперь же, потому что очень нужно⁵.

Целую тебя крепко. Твой С. Г о р о д е ц к и й

На письме помета Блока: «Ответил, как только получил. 17 ноября».

¹ К прозе Городецкого Блок, по-видимому, относился неодобрительно. 10 апреля 1909 г., вскоре по выходе первого сборника рассказов Городецкого «Кладбище страстей» (он имелся в библиотеке Блока с дарственной надписью «Дорогим Блокам 8/III—09 г.» —

«Труды по русской и славянской филологии», XXIV. Тарту, 1975, с. 407), Блок писал матери: «Твое мнение о рассказах Городецкого, по-моему, очень тонко — и исчерпывающе» («Письма к родным», I, с. 255).

² В автобиографии 1920 г. Городецкий вспоминал о затруднениях с публикацией его беллетристики в солидных книгоиздательствах: «Работа над прозой. Кабала и рабство в «Огоньке», «Ниве» и др. «Толстые» не пускают» (Н. А. Т а к т а ш е в а. Автобиография С. М. Городецкого. — «Русская литература», 1969, № 3, с. 189).

³ Эта фраза письма Блоком подчеркнута и отмечена на полях знаком «!?!». Городецкий в этом письме обращается к Блоку как к представителю редакционного актива издательства «Сирин», в котором планировался выпуск сочинений А. М. Ремизова и Ф. К. Сологуба.

⁴ Блок думал о включении стихов Городецкого в альманах «Сирин» (VII, 169), однако после чтения «Ивы» глазами «редактора» (VII, 178) к этой теме больше не возвращался. 17 ноября Блок записал в дневнике «Письмо от Городецкого и ответ ему: насчет «Сирин» (VII, 180).

⁵ Блок ответил на письмо Городецкого в тот же день (помета на письме; VII, 180). Ответ, по-видимому, был отрицательным. Городецкий вступил в переговоры с товариществом А. Суворина (см. его письмо к А. В. Руманову от 5 июня 1913 г. — ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 190, л. 12), которое и издало в 1913—1914 гг. сборники его рассказов «Старые гнезда», «На земле», «Дни любви».

57

4 декабря 1912 г.

Благодарю тебя, милый Саша, за любезную присылку рукописей¹. Пишу также затем, чтобы передать просьбу Михаила Михайловича Гаккебуша² прислать ему стихи³.

С. Г о р о д е ц к и й

¹ По-видимому, Блок вернул рукописи, переданные Городецким на рассмотрение редакции «Сирин» (см. предыдущее письмо).

² М. М. Гаккебуш-Горелов (1874—1929) — один из редакторов «Биржевых ведомостей». 4 декабря 1912 г. Городецкий писал М. М. Гаккебушу: «Блоку передал Ваше приглашение прислать стихи» (ЦГАЛИ, ф. 151, оп. 1, ед. хр. 36, л. 7).

³ Слова «любезную», «Михаила Михайловича Гаккебуша» подчеркнуты Блоком и отмечены знаками «!?!»

58

«Петроград» 8 VIII 1920 г.

Дорогой Саша.

Рекомендую твоему вольфильскому вниманию Ник<олая> Евг<еньевича> Фельтена¹, известного толстовца («Дело Фельтена»² — было такое), личного друга Л. Н., обладателя бесценных архивов по Толстому и тонкого знатока его личности и творений.

Мне кажется, при Вольфиле студия по Толстому была бы весьма уместна. Побеседуй с ним, он расскажет тебе свою программу.

Я все еще запряжен в балтфлотские дела³, и к тому же начинаю «линять» — устаю. И все нет тихого вечера для беседы с тобой, что мне особенно нужно после твоих фраз о моих стихах. Мне было очень трудно перед аудиторией, от которой я совершенно отвык, — на моем вечере⁴. А ведь то, что я выступил именно перед ней, было, м<ожет> б<ыть> бессмысленным опытом начать стягивать концы раны, оторвавшей интеллигенцию от революции, — что делаешь и ты — «Двенадцатью», и что, по-моему, первый долг твоего союза поэтов⁵. Но ничего не вышло, у меня было ощущение горькой пустоты после вечера, я опять попался на удочку чуда.

Очень нужно обо всем этом поговорить. Смотри, как махрово: богофильство, «измы», переводчество, саботаж — полнейшая апоэзия⁶. А третий день уже на исходе, а на четвертый Лазари не воскресают⁷. Времени осталось одна минута, в калошах Гредескула⁸ не поспеть. Разве что на Пегасе. А?

Обнимаю тебя. Твой С. Г о р о д е ц к и й

ИРЛИ, р. 1, оп. 3, ед. хр. 118. Ксерокопия

Письмо на бланке Литературно-издательской секции политического отдела Революционного военного совета Балтийского флота (Адмиралтейская наб., 2, 4-й этаж). Послано

Блоку в Вольфилу. На конверте надпись: «Вольфила. Александру Александровичу Блоку. От С. Городецкого».

¹ Николай Евгеньевич *Фельтен* (1884—1940) — последователь учения Л. Н. Толстого и издатель его произведений. Автор воспоминаний о Толстом («Солнце России», 1910, № 2 (42); «Речь», 1910, № 306, 7 ноября и др.).

² За издание статьи Толстого «Не убий» Н. Е. Фельтен был подвергнут тюремному заключению в 1907 г. Известие об его аресте послужило поводом для написания статьи Толстого «Не убий никого». В 1909 г. за издание и распространение сочинений Толстого Фельтен был осужден к заключению в крепость.

³ В 1920 г. Городецкий возглавлял литчасть Политуправления Каспийского флота в Баку, а затем был переведен на аналогичную службу в Балтфлот, с чем и было связано его пребывание летом 1920 г. в Петрограде.

⁴ Вечер Городецкого и Л. Рейснер 4 августа 1920 г., на котором Блок произнес вступительное слово.

⁵ О деятельности Блока в Союзе поэтов см. наст. том, кн. 3.

⁶ О том же писал Городецкий в стихотворном фельетоне «Покойнички» («Красная газета», 1920, № 175, 8 августа):

Выходили в сад покойнички
Вереницею,
Выносили рукомылнички
Со святой водицею. <...>
Голосили
Со всей силы:
«Аллилуйя, аллилуйя, со святыми упокой,
Да избавимся сумятицы мирской.
Анафема тому, кто станет на работу,
Осанна причастившимся болоту.
Ныне разлагаемся, во веки аминь,
Кто не с нами, в того камнем кинь». <...>

Дрессированный профессор бородатый
Отбивает лбом поклоны, как сохатый.
Именительный «бог», родительный «бога»,
Дательный «богу» — падежей много. <...>
Доктору философии было видение:
В этом мире одно спасение — гниение.
Тайна жизни никем не разгадана,
А вся она, ныне и присно, в кусочке
ладана.
Подымим, почадим, плюнем в солнышко,
Во гробу тепло: есть и крышка
и донышко. <...>

⁷ Мотивы евангельского рассказа о чуде воскрешения Лазаря, происшедшем все же на четвертый день (Евангелие от Иоанна, гл. 11), Городецкий развил в своей статье «Лазарь, выходи из гроба!» («Известия Петроградского совета», 1920, 1 сентября, № 194): «Никакого желания усвоить события, понять их, осветить, продумать не замечается у верхней интеллигенции. <...> Христос уже третий год стоит у гробницы, крича: «Лазарь, выходи». Но чудо не удастся. Лазарю червяков кормить хочется. Вот в чем ужас. Вот почему изобразитель интеллигенции должен быть жестоким».

⁸ Николай Андреевич *Гредескул* (1864 — ?) — юрист, публицист, до 1916 г. — видный деятель кадетской партии. После Октябрьской революции был одним из первых выразителей идеологии «сменовеховства».

59

13—VIII—1920

Дорогой Саша.

Рекомендую твоему вниманию систему нового международного письма, построенную на символической и изобретенную С. А. Кукелем¹.

Хорошо бы дать ему возможность прочесть доклад в Вольфиле² в присутствии поэтов и филологов.³

Твой Г о р о д е ц к и й

¹ Видный советский инженер-электротехник Сергей Андреевич *Кукель-Краевский* выдвинул проект «философского языка» «QJ» — идеографического письма, не зависящего от звуковой передачи понятий в разных языках. См. подробней: Э. Д р е з е н. За всеобщим языком (Три века исканий). М.—Л., 1928, с. 221—222.

² О Вольфиле см. в кн. 3 наст. тома «Блок в неизданной переписке современников».

³ Об интересе Городецкого к различным системам «международного языка» см. в его статье «Мечта д-ра Заменгофа» в газ. «Единение», Тифлис, 1918, № 27, 14 октября.